

Ли́ра ЯКШИ́БАЕВА

ЗЕМЛЯ — ОДНА НА ВСЕХ

Повесть

*Человечество ответственно
не только за собственное развитие,
но и за состояние планеты Земля в целом.*

В.И.Вернадский

Часть первая

Доктор геологических наук, профессор Южно-Уральского Государственного университета (Челябинского политехнического института) Мугинов прилетел в Екатеринбург утренним рейсом. Взглянул на часы: скоро девять. До начала симпозиума остаётся примерно два часа. Сделав по мобильному телефону несколько звонков знакомым, Рафик Камалетдинович присел на стоявшую поблизости скамью, решив на всякий случай ещё раз просмотреть программу форума «Двадцать первый век — век перехода к глобальной жизни человечества». Пробегаая глазами список выступающих, он обратил внимание на тему доклада немецкого учёного Эрнста Фейхтвангера и усмехнулся с сарказмом: «Хм, надо же — «Рациональное использование природных ресурсов Рурского бассейна в эпоху глобализации». Да, этот господин себе на уме...» Интересно, каким образом немцы собираются рационально использовать полезные ископаемые, запасы которых давным-давно истощены? Будто не ведают, что при помощи добывавшегося там металла Гитлер-бабай истреблял народы Европы и России. Видимо, господин профессор готовит почву для выгодных сделок: дескать, у нас простаивают великолепно оснащённые заводы, у вас есть сырьё. Давайте вместе его осваивать. Мы возьмём на себя инвестиции, а вы... Ну и хитёр!»

Рафик Камалетдинович считает столь повышенный интерес извне проявлением экономического эгоизма и ведёт с ним упорную борьбу. Зная об угрозе, нависшей над его страной, над его народом, свой долг как учёного он видит в первую очередь в поиске путей и средств её устранения.

Да, Урал извечно привлекал к себе взоры немцев. И в Аркаим они стремились. Но патриотизм, пламенная любовь к родной земле помогли россиянам одолеть враждебные силы. Есть ли на Земле горы, которые по богатству могли бы тягаться с нашим Уралом? Какими же дальновидными были наши предки — знали ведь, где обосноваться.

Среди учёных бытует версия, будто «пуп Земли» находится на Урале. Получается, что Урал соединяет Землю с Галактикой подобно тому, как пуповина связывает друг с другом дитя и мать. Ну разве не удивительно? Поражает сам факт, что место это находится не где-нибудь, а на исконной территории проживания башкирского народа. И когда говорят, что сам Аллах любит и оберегает наш край, так хочется этому верить.

Несомненно, башкиры хорошо осознавали, где живут, знали цену своей земле и потому так яростно защищали родину от полчищ алчных захватчиков. Мы тоже обязаны ценить и беречь как зеницу ока завещанную нам предками землю, каждую её пядь, обильно политую кровью павших в многочисленных сражениях батыров... Но насколько возможно это в эпоху глобализации? Вот в чём вопрос. Между тем глобализация, грозящая верной гибелью малочисленным народам, продолжается...

Отвлёкшись от тревожных мыслей, учёный вновь взглянул на часы и, взмахнув рукой, остановил проезжавшее мимо такси:

— В Уральскую академию наук, пожалуйста!

Легковушка быстро доставила его к величественному зданию с колоннами. Крепкий, подтянутый, невысокого роста Мугинов резво выскочил из машины и бодро зашагал к portalу. Берясь за металлическую ручку массивной двери, он вдруг ощутил, как учащённо забилось сердце. С чего бы это? Волнение перед выступлением? Не исключено, ведь сегодня он собирается затронуть весьма щекотливую тему. А где ж ещё поднимать важнейшие для народа проблемы, как не на мероприятии международного масштаба?

Рафик Камалетдинович много лет занимается геофизическими исследованиями на Среднем и Южном Урале, на Западно-Сибирской равнине. И ему есть что сказать сегодня. Главная цель учёного — остановить варварское уничтожение природы. Он берётся доказать, что при условии соблюдения экологической этики и разумного, рационального использования земных недр можно обеспечить человечество, множество поколений людей сырьём и пищей не на один миллиард лет. Необходимо заткнуть глотку аферистам-шарлатанам всех мастей, оболванивающим народ страшилками типа «Наступает конец света. Жизнь на Земле подходит к концу», давать решительный отпор скептикам, бездоказательно утверждающим, что мир наш, всё сущее ждёт неизбежный скорый конец. Их послушать — незачем мучиться, впустую тратить усилия на спасение обречённой на гибель планеты. Отсюда вывод: зачем заморачиваться какими-то проблемами — жить надо сегодняшним днём, наслаждаясь тем, что есть, по известному принципу «после нас — хоть потоп». Рафик непримиримо относится к демагогам разного толка, которых вокруг, к сожалению, развелось немало.

Конечно, если продолжать в том же духе, беспрестанно нанося ущерб природе в угоду корыстным целям, то уже через несколько столетий с лица Земли исчезнет всё живое. Если будут вырублены все леса, если высохнут водоёмы и будут выпотрошены земные недра, цветущая Земля превратится в сплошную пустыню, а шар земной будет напоминать опустошённый горшок. Так, по наблюдениям учёных, Сахара расширяется со скоростью одна миля, т.е. 7,464 метров, в год.

Человечество напоминает изголодавшегося кровожадного клеща, впившегося в свою жертву. «Куда ни глянь — вышки, шахты, карьеры. Жуткая картина. Люди-монстры вгрызлись в тело матери-Земли и терзают его: одни заживо сдирают кожу, другие гложут кости, третьи высасывают костный мозг... Природные богатства осваиваются без всякой меры — бездумно, нещадно. Безоглядная хищническая эксплуатация месторождений приводит к загрязнению водоёмов и атмосферы, к уничтожению лесов.

Что же происходит с «венцом творения» — с человеком? Уж не избаловал ли Всевышний своё главное создание? Развитие цивилизации привело к тому, что люди перестали сами топить печи, ходить с коромыслом за водой, передвигаться пешком. Есть в наши дни такие, кто даже не знает, как выращивают хлеб. А пользующийся благами современной цивилизации человек всё ещё не удовлетворён. Запросы, аппетиты у него, как у пушкинской старухи — жены рыбака, лишь растут. Если так и дальше пойдёт, кое-кто из зарвавшихся гордецов станет ещё, чего доброго, требовать, чтобы сам Господь ему поклонялся и

прислуживал. Между тем, великие учёные-мудрецы, включая древнегреческого философа Антисфена, последователя Сократа, и ученика его Диогена, были убеждёнными аскетами, презиравшими блага цивилизации. В ней видели они причину всеобщего неравенства и несправедливости вследствие деления человечества на сословия, на касты. Религиозные проповедники, со своей стороны, тоже сопротивлялись всему новому, противостояли прогрессу, утверждая, что цивилизация является порождением самого дьявола.

Разумеется, Рафик не принадлежит ни к числу мракобесов, ни тех, кто подвержен мистике, у него ко всему трезвый научный подход, есть собственное по тому или иному вопросу мнение. Что касается предстоящего выступления, то оно базируется на умело подобранных, тщательно проверенных фактах. Он даже прихватил с собой папку с цифрами, таблицами. Словно опасаясь, что кто-то может отнять у него ценные записи, учёный крепче прижал папку к себе. То, что он намерен сегодня сказать, отнюдь не новость, речь пойдёт о вполне очевидных для каждого вещах.

Мугинов успел поздороваться и перекинуться несколькими фразами с некоторыми знакомыми, и тут раздался звонок. Все устремились в конференц-зал. Вскоре большой форум приступил к работе.

— Земной шар — общий дом всего человечества. Поэтому природные ресурсы, сырьё следует рассматривать как всеобщее достояние, — начал своё выступление немецкий учёный.

Рафик отлично знает, что тот имеет в виду, к чему клонит. Поэтому не удивлён. Но что это? Он вдруг услышал до боли знакомый голос. Постой-ка, постой... Кто переводит? Уж не Линара ли? Рафик прислушался. Этот родной для него голос он различил бы из тысячи. Да, но каким образом она могла очутиться здесь, на международном форуме?! Всё ещё не веря собственным ушам, Мугинов, забыв обо всём на свете, упивался мелодией любимого голоса. О Аллах, возможно ли это? Да нет, не может быть!

А обладательница знакомого голоса продолжала тем временем переводить.

Он искал переводчицу глазами, недоумевая, почему её не видно, ведь обычно переводящий находится рядом с докладчиком. Если до этого Рафика Камалетдиновича интересовала тема выступления господина Фейхтвангера, то теперь его вниманием всецело завладел голос невидимой женщины.

Через некоторое время наступил его черёд. К моменту выхода на сцену он уже успел овладеть собой. Именно к этому Рафик Камалетдинович и стремился — воспользоваться международной трибуной, чтобы как можно больше людей могло услышать его «Глобальное обращение к двадцать первому веку», в основу которого положены результаты многолетних исследований, проникнуться его содержанием. Чтобы сделать тщательно подготовленный научный доклад более убедительным, наглядным, учёный предусмотрел использование современных технических средств, при помощи которых предполагал продемонстрировать таблицы, цифры, тезисы, фотографии.

— Загрязнение биосферы, ноосферы продолжается, — начал Мугинов. — Неоднократные предупреждения ООН о грядущей глобальной экологической катастрофе по-прежнему игнорируются как правительства большинства государств, так и отдельными индивидуумами, использующими природные богатства в корыстных интересах. Достичь нашей общей цели мы сможем, если

будем действовать вместе, рука об руку, поднимать экологические проблемы не только на уровне ООН, но и в каждой стране, в каждом регионе. — Он подчеркнул, что вызовы глобализации во многих местах недооценивают, считают их второстепенными.

Далее Рафик Камалетдинович привёл конкретные примеры:

— Вследствие варварского обращения с природой в Башкортостане, Татарстане, на Среднем и Южном Урале, на Западно-Сибирской равнине уже происходят заметные изменения флоры и фауны. Что касается сырьевых запасов, то к ним у нас повсеместно относятся как к чему-то вечному, неиссякаемому. Никто не препятствует разграблению подземных кладовых. У нас нет желания развивать и совершенствовать собственные технологии, создавать новые рабочие места, что неизбежно ведёт к экономическому кризису. То, что наша страна продаёт своё сырьё за бесценок или обменивает на невыгодных условиях, втридорога закупая готовую продукцию за рубежом, — непростительно. Практически всё, чего ни коснись, от предметов повседневного пользования до высокотехнологичного оборудования, завозится из-за рубежа. При наличии больших запасов сырья у нас в стране миллионы сограждан не обеспечены работой и неуклонно деградируют. Работоспособные мужчины, квалифицированные специалисты уезжают на чужбину в поисках заработков, лучшей жизни. Почему же народ, живущий в богатой всевозможными ресурсами стране, оказался в таком бедственном положении?! Выход из него я вижу в нашей экономической независимости...

Боль, тревога за свой народ сквозит в каждом слове учёного. Посмотрев на часы, он понял, что времени у него остаётся мало, и поспешил высказать напоследок самое, на его взгляд, важное:

— Кое-кто из представителей научных кругов пытается сузить значение глобализации: одни хотят ограничиться поиском решений экологических вопросов, других заботят в первую очередь финансово-экономические проблемы. На мой взгляд, глобализация должна учитывать интересы всех и каждого — каждого народа, заботиться о каждом языке, о духовном развитии и уровне жизни каждой нации. Исчезновение наций и языков — глобальная проблема. Исчезновение языков подобно высыханию рек. Мы знаем, что в некоторых странах разработаны и разрабатываются планы, программы геноцида народов других государств. Взять, к примеру, пресловутую доктрину Аллена Даллеса. Кто скажет, каковы размеры ущерба, причинённого нашей стране «Гарвардским проектом»?

Не углубляясь в содержание упомянутой им программы, пункты которой известны многим, он продолжил.

— Экономический эгоизм — разновидность геноцида. Задача мирового общества — покончить с геноцидом и колониальной практикой. — Заявив это, Рафик Камалетдинович провёл параллель между экологией природы и экологией души человека. — Природа демонстрирует нам сегодня свой суровый нрав, планета стонет и бунтует. Как мать, ожидающая сочувствия и помощи от своих детей, взывает она к роду человеческому, ропщет, и каждый из нас это чувствует, — сказал он с волнением. — Не зря же то тут, то там происходят страшные катаклизмы. А ведь ещё древние прорицатели предупреждали о том, что катастрофы происходят прежде всего там, где население живёт во грехе — в праздности, блуде, распутстве. Трагедия Содомы и Гоморры, гибель Помпей и Геркуланума от извержения Везувия — вечный для нас урок.

Варварское обращение с природой, невоздержанность, алчность, жестокость толкают человечество к гибели. Все это знают и, тем не менее, не пытаются защищать планету, нуждающуюся в нашей помощи, ожидающую от нас милосердия, великодушия. Я солидарен с профессором Хантингтоном: вера — могучая сила, и ради спасения жизни на Земле мы не должны пренебрегать ролью мировых религий.

Воду человек начинает ценить, когда пересыхает источник. Наша многострадальная планета, слава Богу, пока жива, и у нас есть ещё время. Я обращаюсь ко всем народам мира: чтобы уберечь Землю-матушку от губительной катастрофы, давайте объединяться. Глобализация нам нужна именно для этой высокой, благородной цели. Пора всем это понять, Земля — одна на всех. Будем же её беречь! Человеческая жизнь — конечна. Но пусть Земля наша будет вечной! И позаботиться об этом должны мы с вами, друзья!

«Мои последние слова показались, наверное, некоторым искушённым учёным, воображающим себя мировыми светилами, высокопарными и наивными, — подумал Рафик Камалетдинович, закончив, — но именно в них вся соль моего выступления».

А сидящим в зале речь башкирского учёного понравилась — понравилось то, что он поднял не только общероссийские и мировые проблемы, но и выразил озабоченность судьбой родной земли, своего народа и языка в условиях глобализации. Его проводили дружными аплодисментами.

* * *

С трепетом ожидала Линара выступления любимого... А когда увидела его, услышала родной голос, прослезилась. Рафик... Вот ты каким стал. С детства всей душой болел за свой Миасс, теперь бьёшь в набат в тревоге за весь мир.

Друг детства, вечная любовь... Накатила тоска, защемило сердце. Эта встреча всколыхнула в ней воспоминания о событиях, круто изменивших её и его жизнь семнадцать лет тому назад.

Он должен был вот-вот вернуться из армии. Но именно в то самое время, когда Линара считала дни и часы до его приезда, пришло письмо от Минъямал-апай, матери Рафика.

«...Я растила сына не для детдомовки... Если ты и вправду любишь, откажись от него, не будь помехой его счастью. Я растила своё дитя, лелеяла. Пойми, ты не ровня ему, всё равно вам вместе не быть...»

Столько лет прошло, а письмо, разлучившее её с Рафиком, она не может забыть. Так и стоят те строчки перед глазами — словно огненные надписи на экране: ей помнится каждое слово, каждая буква. Хлёсткий, бьющий наотмашь беспощадный приговор «ты не ровня ему» и по сию пору сверлит ей мозг.

«Ты не ровня ему...» Всего несколько коротеньких слов. Но, может быть, именно они пробудили в ней ту невероятную силу, которая в дальнейшем помогла смести все трудности, все преграды на её пути. Да, Линара давно уже не та жалкая сиротка, которую всякий мог обидеть. Теперь никто не посмеет помыкать ею, будь то мачеха Майсара, мать Рафика Минъямал или кто другой. Она стремилась учиться и своим усердием, неустанным трудом, смелостью, добрым нравом, воспитанностью и прочими качествами снискала уважение окружающих. Когда нужно ехать на какое-нибудь ответственное мероприятие с делегацией за границу, в академии чаще всего привлекают её как толкового

специалиста и сотрудника: мол, пусть едет Линара Зайнулловна, она свободно владеет немецким, английским и к тому же неплохо разбирается в вопросах, касающихся промышленности.

Несмотря на охватившее её волнение, Линара постаралась успокоиться и сосредоточиться на выступлении Рафика. Она помнит его способным парнишкой, рассудительным, смекалистым, любознательным, чутким, любящим природу. Похоже, все эти качества с годами проявились ещё ярче. Судя по выступлению, в своей отрасли Рафик преуспел, занял достойное место среди видных, блистающих эрудицией учёных. И врагов у него, наверное, немало. Вон ведь куда гнут глобалисты, приехавшие сюда из Западной Европы и Северной Америки: дескать, если Земля — наш общий дом, то и всё, что находится как на её поверхности, так и в недрах, должно принадлежать всем на равных условиях.

Каждый оратор излагает на форуме собственную точку зрения. Зачастую мнения докладчиков по тем или иным вопросам расходятся. А когда деятели науки начинают защищать противоположные взгляды, тут уже возникают разногласия и предпосылки для конфликта. Поэтому Линара с осторожностью относится к этой новой научной отрасли, таящей в себе как доброе начало, так и зло. И то, что талантливый профессор Мугинов, умеющий твёрдо отстаивать свою позицию, попал в разряд учёных мирового уровня, для нашей страны немаловажно. Благодаря сегодняшнему выступлению он завоевал право и впредь высказывать свои взгляды с высоких трибун.

Теория, навязываемая господином Фейхтвангером и его сторонниками, получила сегодня решительный отпор. Храбрости Рафику не занимать, отметила про себя Линара, испытывая чувство гордости за любимого. Тлевшие в душе все эти годы чувства вспыхнули вновь. Тоска и любовь, которые удавалось до сих пор сдерживать, подавлять, нахлынули на неё бурным потоком. Однако женщина, приученная жизнью держать эмоции в узде, смогла совладать с собой и на этот раз: не тот момент, чтобы давать волю чувствам.

Приказать-то легко, да только как быть с воспоминаниями, которые не хотят отпускать её ни на минуту. словно желая доказать неразрывную связь экологии земли и экологии души человека, они увлекали её за собой. Уши слушали, а мысли блуждали в прошлом. К тому же и сердце то билось тревожно в ожидании чего-то, то замирало.

...Воспоминания, воспоминания... Уж как ни старалась она вникать в звучащие с трибуны речи, мысли то и дело возвращались к Рафику.

Линара училась тогда в Башкирском государственном университете на третьем курсе факультета романо-германской филологии. Он служил в армии. Прочитав насквозь проникнутое презрением, унижающее её письмо, девушка чуть было сгоряча не наломала дров — ей захотелось исчезнуть, побыстрее обратиться куда-нибудь подальше, укрыться в таком месте, чтобы её никто не нашёл. Но, поостыв немного, она рассудила: может быть, мать его всё-таки права. Каждый должен, видимо, выбирать пару по себе — из своего круга. Всегда так было: красивые предпочитали красивых, богатые — богатых. И, поскольку Линаре с детства не повезло, придётся смириться со своей долей. Выйдет замуж за парня безродного — подобного ей, и будут они два сапога пара. Что там ни говори, была бы семья у неё нормальной, благополучной, разве попала бы она

в детский дом. Девочка с младенчества никому не была нужна. А Рафик — орёл вольный, будет всегда стремиться ввысь, всё выше и выше. И пускай стремится, достигнет больших высот, станет крупным учёным. Линаре незачем быть преградой на его пути.

Да, перечить тётушке Минъямал и в самом деле не стоит. Всё равно никак без материнского благословения не будет законным. Нельзя идти против воли матери. Если любимый рождён для счастья, не мешай ему, отойди в сторону. К такому выводу пришла тогда девушка, решив отказаться от Рафика ради него, ради его светлого будущего. Так решила Линара, но с тех самых пор жила с ощущением, будто из груди её вырвали сердце. Жизнь проходит, а она так и не смогла никого полюбить.

Воспоминания всё накатывают и накатывают, как волны, не желая отпускать её от себя.

...В одном из последних своих писем Рафик сообщал: «Готовимся к демобилизации. По пути домой заеду в Уфу, жди». Через некоторое время пришло ещё одно письмо, в котором он написал о своём намерении увезти Линару с собой в Челябинск и жениться на ней.

Сколько ребят ухаживали за ней, предлагали дружбу — никто не интересовал её. Храня верность своему парню, она всё время посвящала учёбе: беспрестанно зубрила грамматические правила, немецкую и английскую лексику, корпела над переводами, часами просиживала в лингафонном кабинете, тренируя произношение и слушая записи текстов, постоянно ходила в библиотеки, штудировала литературу. Поэтому на предложение Рафика девушка, не раздумывая, ответила согласием. Это было до того злополучного письма. А теперь Линара дала себе слово не мешать любимому.

Да вот только легко ли ей будет отказаться от встречи с тем, кого она преданно ждала столько времени? Непросто взять и сбежать от любимого человека чуть ли не перед самым его приездом. Так и металась, не зная, как поступить, а помог случай, который круто, в одночасье, изменил её судьбу: нежданно-негаданно подвернулась возможность продолжить учёбу в Екатеринбурге.

Вот как было дело. Между студентами Екатеринбургского пединститута и БГУ должна была состояться игра КВН. Красавицу Линару, которая не только хорошо училась, была эрудированной, остроумной, но и прекрасно пела, танцевала, с удовольствием взяли в команду. Началась подготовка к поездке в Екатеринбург. Именно тогда воспитаннице детского дома, привыкшей самостоятельно принимать решения, и пришла в голову мысль о переводе в другой город. Команда БГУ выиграла. И просьбу проявившей себя с наилучшей стороны участницы уважили — заявление приняли.

Потом подруги сообщили Линаре о том, что Рафик приезжал в университет, как сильно расстроился, узнав, что её нет, как целый день искал её и уехал домой в удручённом состоянии.

Получив письмо из Уфы, девушка разрыдалась. В мыслях она множество раз бывала у Рафика, слушала его песни, гуляла с ним по берегу Миасса. Теперь уже ничего не поделаешь, ведь она сама разорвала связывавшую их нить, была вынуждена это сделать. Ещё в детстве дала себе зарок жить, руководствуясь не чувствами и желаниями, а разумом.

Девушки, которым Линара строго-настроено наказала не сообщать никому, куда она уехала, обещание своё не нарушили. Парень не раз приезжал и писал им, но так ничего от них не добился. А ему было невдомёк, что возлюбленная его учится в Екатеринбурге.

Нет, она не хочет быть эгоисткой. Человек, которого Линара безумно любит, должен быть счастливым, успешным. С детдомовских времён усвоившая, что нельзя рассчитывать на чужую милость, она принесла в жертву свою чистую, будто слеза, любовь. Стараясь унять кровоточащую в сердце рану, уехала туда, где Рафик не догадается её искать. Что бы сделала Минъямал-апай, узнай об этом?! Может быть, поняла бы, кого потерял её ненаглядный сыночек, и почувствовала бы угрызения совести.

Так и не выведав ничего о любимой девушке, Рафик уехал в свой Миасс. Он был похож на птицу со сломанным крылом.

Странное её поведение не поддавалось никакому объяснению. Едва ли не в каждом письме писала ему: «Скучаю, жду», а когда до их встречи оставались чуть ли не считанные часы, сбежала. Неужто успела познакомиться с кем-то незадолго до его приезда? Разве девушкам можно после этого верить? А с другой стороны, Линара всегда была серьёзной, надёжной — не какая-нибудь там пустышка-ветреница.

...Домой он вернулся как в воду опущенный. Увидев, в каком подавленном состоянии сын, Минъямал сразу поняла, в чём дело. Значит, та сиротинка получила письмо, послушалась её и дала ему от ворот поворот. Понятливая, стало быть. В глубине души у женщины даже возникло сомнение, а правильно ли она поступила. Кто знает, может быть, зря поверила Майсаре. Не ошиблась ли, доверившись ей. Наблюдая за сыном, который места себе не находил, Минъямал ни словом не обмолвилась о письме. Знала, что он никогда ей этого не простит.

Рафик весь исстрадался, он долго ждал, надеялся получить от Линары хоть какую-нибудь весточку, ломал голову, пытаясь выяснить причину её загадочного бесследного исчезновения. При этом почему-то не догадался попробовать поискать любимую. А вскоре он поступил в Челябинский горный институт.

...По окончании педагогического института Линара стала преподавать в школе и как-то раз срочно понадобилась в качестве переводчика на каком-то крупном форуме вместо неожиданно заболевшей женщины, исполнявшей эту обязанность.

В Академии наук узнали о ней, когда позвонили с просьбой о помощи в городской отдел образования.

— Среди наших учителей есть прекрасно владеющие немецким языком. Например, Линара Зайнулловна Малихова.

Иностранному гостю понравилось, как справилась с переводом молодая учительница. Она сопровождала его на металлургический завод, на разные встречи. Так началась её переводческая деятельность.

Иностранцы в крупном промышленном центре — не в диковинку, международные мероприятия проводятся здесь довольно часто. Проявившую себя хорошим переводчиком Линару стали привлекать всё чаще и чаще. Решив овладеть ещё одной специальностью, она даже окончила специальные курсы. А потом Уральская академия наук направила способную девушку в Германию, на экономический факультет Рурского университета в Бохуме. Этот вуз, где сту-

денты проходят обучение на двадцати факультетах по двумстам специальностям, пользуется доброй славой во всём мире. Линара получила там основательное образование. По вкусу пришлись ей дисциплинированность, пунктуальность, аккуратность немцев. Работящих, усердных ценить там умеют. Она оказалась в числе лучших студентов.

Линара гордилась знакомством с профессором Эрнстом Фейхтвангером, крупным экономистом и знаменитым учёным-экологом.

— Вы — очень талантливы, вам надо учиться дальше, повышать свою квалификацию, — внушал он ей постоянно. Для проведения научных изысканий профессор предложил девушке серьёзную тему, касающуюся проблем экологии. Под его руководством она написала дипломную работу и успешно её защитила.

Их дружба и сотрудничество продолжают по сей день. Перевод текстов своих выступлений Фейхтвангер доверяет только Линаре. Вот и на этот раз он не стал брать с собой переводчика из Германии, а обратился к ней. Учёный давно зовёт молодую женщину в Бохум для продолжения научной деятельности, уговаривает её взяться за диссертацию по теме дипломной работы. Он теперь намерен всерьёз обсудить с ней этот вопрос. Немецкий профессор ценит Линару не только как переводчицу и перспективного специалиста — он имеет на фройляйн Малихову свои виды: несмотря на существенную разницу в возрасте, мечтает увезти её с собой в Германию с целью жениться, если та, разумеется, согласится.

Часть вторая

Когда Рафик, окончив выступление, шёл к своему месту, она не сводила с него глаз, надеясь, что тот заметит её пристальное внимание. Вроде бы изменился и в то же самое время — нет. Волосы тронуты сединой, но такие же густые и волнистые, как раньше. Стал солиднее. Зеленоватые глаза так же прекрасны, как в юности. Взгляд, как и прежде, приветливый, только уже не такой лучистый. То ли устал, то ли чем-то расстроен. Зато голос бодрый. Сразу видно, привык выступать, доказывать своё.

...Время оказалось не властно над её чувствами. Когда Линарой овладевала тоска, она вспоминала песню, которую Рафик пел когда-то на берегу Миасса. Голос у него был красивый, мелодичный, берущий за душу. Его песня и сейчас звучит у неё в ушах:

Бережок Миасса галькой устлан,
И по этой гальке я хожу.
Брови чёрные да стройный стан,
О тебе, душа моя, мечтаю и пою.

Если она подойдёт к нему, протянет руку, как он на это отреагирует? Возможно, на всю жизнь затаил на неё обиду. Или давно забыл свою первую любовь как детское увлечение? Если его пригласили на такой авторитетный форум, значит, он — и в самом деле выдающийся учёный. И наверняка, счастлив в семейной жизни.

Линара колебалась: что же ей делать, когда объявят перерыв? Подойти или нет? Да и господина Фейхтвангера неудобно одного оставлять: как переводчица,

она обязана сопровождать его до конца мероприятия. К тому же он её учитель, научный руководитель. В Германии много помогал и впредь собирается курировать. Линара догадывается, что Эрнст к ней равнодушен. Вот и в ресторан пригласил.

Перерыва женщина ожидала с нетерпением и трепетом. Оказаться рядом с Рафиком и не показаться ему? Она не простит себе, если упустит такую возможность... Итак, решено.

Дождавшись объявления перерыва, Линара сказала Фейхтвангеру:

— Тут находится мой одноклассник — Рафик Мугинов. Он после вас выступал, помните? Мне нужно поговорить с ним.

— Пожалуйста, фройляйн Линара, — ответил деликатный немец, стараясь не подать виду, что он не хочет отпустить от себя красивую спутницу.

Мугинов что-то горячо обсуждал с коллегами. Как же подойти к нему? С чего начать? Какое-то время она стояла в сторонке, наблюдая. Потом медленно двинулась к нему.

— Здравствуй, миасский джигит! — окликнула она Рафика, испытывая неодолимое желание броситься к нему на шею.

Едва ли не с самого начала обеспокоенный каким-то предчувствием, он вздрогнул и, увидев приближающуюся к нему стройную, модно одетую даму, изумлённо воскликнул:

— Линара?! — Забыв про приятелей, Рафик шагнул ей навстречу. — Это ты? — Он до того оробел, что с трудом выдавил из себя: — Когда немец выступал, то-то голос переводчицы показался мне таким знакомым...

Мугинов умолк, она тоже молчала. Так и стояли, глядя друг на друга, пока он, наконец, не прервал молчание первым:

— Переводчицей работаешь, оказывается. А как ты сюда попала? Я знаю про письмо, которое тебе моя мать написала. Перед тем, как уйти, она во всём призналась. Не хотела, чтобы на ней оставался старый грех...

— Вот как, Минъямал-апай умерла? Сочувствую тебе.

— Скоро будет год, как её нет. С возрастом ударились в религию. Считала, что виновата перед нами, винила себя в смерти внучки. Всё каялась: твои беды из-за меня, сынок. И до самого последнего момента постоянно твердила: «Зря я мачеху Майсару тогда послушалась. Уж больно ту девчонку охаивала, и я испугалась, что она жизнь твою загубит». Так что причину твоего бесследного исчезновения узнал не так давно. А то ведь места себе не находил, не знал, что и думать. Пару раз в Стерлитамак ездил, ходил в детдом. Адреса всех воспитанников там есть, только твоего нет. Встречался с подружкой твоей — Мاستурой. Никакого толку. Каждый раз, приезжая в Миасс, заходил к твоим, адрес спрашивал. Отец говорил, что не знает, а Майсара-апай разговаривала со мной очень недружелюбно. Всё такая же вредная, злющая. Отец твой скончался от сердечного приступа. Побывал я и в твоей родной деревне. Там мне тоже не захотели сказать, куда ты подевалась. Так и метался туда-сюда, не зная, где тебя искать...

— А я вдруг взяла и сама к тебе явилась? — попыталась пошутить Линара, хотя в глазах её стояли слёзы. Не имея возможности встретиться с любимым, о его научной деятельности она узнавала по публикациям. И тоже захотела специализироваться в области экологии, несмотря на то, что по второму образованию была экономистом. Защищаться думала именно в этом направлении.

Увидев, что к ним приближается Фейхтвангер, оба замолчали.

— Господин профессор, прошу прощения, — обратился он с улыбкой к Рафику. — Без фройляйн Линары я не могу общаться с русскими друзьями, — сказал он и, взяв женщину под руку, увёл её к группе учёных.

Мугинов стал корить себя за то, что не догадался попросить у неё визитку. Всё произошло как во сне и так быстро. Увидев любимую, он словно захмелел. Хорошо ещё, что успел рассказать, как долго искал её. Это главное. Если она сама подошла к нему, значит, не забыла. Смогут ли они встретиться сегодня? Такая красавица не может быть одна. У неё должен быть муж, дети... Волосы длинные, как раньше... Конечно, косы уже не носит, но такая причёска ей тоже идёт. Фигура почти не изменилась — прямо как в девичестве. А ведь сколько времени прошло. Семнадцать лет — срок немалый. Глаза вроде бы грустные.

...Много лет ждал Рафик весточки от любимой. В конце концов, родители чуть ли не насильно заставили его жениться на единственной дочке одного большого начальника. Отношения у молодожёнов не заладились с самого начала. Потом появился ребёнок, но ничего не изменилось — дети брак без любви спасти не могут. Нелюбимая жена стала искать любовь на стороне. Если в очаг не подкладывать дрова, он гаснет. Вот так и распалась их семья. После развода жена тут же выскочила за другого. До четырёх лет дочка жила с родителями Рафика, потом мать забрала её к себе. И, видимо, стала настраивать против отца. Потому что та стала его чураться, подарки не принимала. Когда девочке предстояло пойти в первый класс, её сбила машина. Мать не захотела брать покалеченного ребёнка к себе, и дочка снова оказалась у Рафика... Все заботы о ней легли на плечи Минъямалапай. Промучившись с полгода, ребёнок умер. Потрясённая случившимся бабушка восприняла это как кару за содеянное по отношению к Линаре и в несчастье сына стала винить себя.

С тех самых пор Рафик Мугинов с головой ушёл в науку. Заинтересовавшись геологической историей Земли, структурой земной коры, земных пластов, подземными водами и полезными ископаемыми, стал собирать материалы. Много читал о загадках истории, необъяснимых явлениях, о мистике, об оккультизме. Ознакомился с гипотезами гибели Атлантиды, изучал историю древнейшей, могущественной и загадочной египетской цивилизации. Неспроста древние греки дали той земле название Египет, означавшее «тайна, загадка». Особое внимание молодого исследователя привлекала история религии Древнего Египта, её монотеистические тенденции. Всё это наводило на серьёзные размышления, пробудило в нём интерес к религии. Открыли ему глаза на многие явления теософия и антропософия. Ничто на земле не возникает из ничего и не исчезает бесследно. Он осознал, что нельзя пренебрегать сказками и мифами, в которых сконцентрирована народная мудрость. Народ не стал бы слагать их просто так. Поглощённые морями-океанами материка и острова, мёртвые языки и растворившиеся в вечности народы не исчезли совершенно бесследно — информация обо всём, что происходило и происходит на свете, сохраняется в том или ином виде, накапливается в общечеловеческом разуме. Много думая над прочитанным, анализируя и обобщая многочисленные сведения, Рафик делал собственные умозаключения, научные выводы.

Больше всех убивалась из-за неудавшейся личной жизни сына, распада его семьи Мингьямал-апай. При живых родителях внучка растёт сиротой, сокрушалась она и всё чаще задумывалась: не то уж обида, нанесённая той сиротинке, никак не отпускает? Хоть и с большим опозданием, женщина была вынуждена признать, что у Рафика с Линарой была настоящая любовь.

По-своему переживал и отец Камалетдин-агай: если прежде к нему, к «почётному шахтёру», относились с уважением, называли его «сватом профсоюзного босса», то теперь словно не замечают. Он всё никак не мог взять в толк: чем же не угодила Рафику невестка? Тем не менее, в отличие от жены, предпочитал не вмешиваться в личную жизнь сына. Айда, пускай живёт, как хочет, на то он и мужик, нечего бабам в рот смотреть.

О новой женитьбе после развода Рафик Камалетдинович даже не помышлял. Преподавательская и научная работа отнимали у него уйму времени. Кроме того, он подружился с геологами и очень часто сопровождал их в экспедициях как зимой, так и летом. А стоило родителям заикнуться по поводу его личной жизни, либо отмалчивался, либо переводил разговор на другую тему. Когда же те начинали донимать его, выходил из комнаты.

Заметно состарившаяся мать, стараясь загладить свою вину, не раз пыталась прибегнуть к сватовству. Она всей душой желала сыну счастья, а вышло как раз наоборот. Всё делала ради него, из самых благих побуждений — даже то, что сдуру отвадила сиротку. Всё равно получилось не так, как она предполагала. Вон, фотографию на стенку повесил и чуть не молится на неё.

Однажды Мингьямал-апай попробовала выведать, что у Рафика на уме.

— Чем одному жить, лучше бы уж женился на своей Линаре, — сказала она как ни в чём не бывало.

— Чёрная змея проползла между нами, эсэй.

— Как так? — притворно изумилась та и покрылась холодным потом при мысли, что он проведаль о её поступке.

— Кто-то написал ей письмо, чтобы разлучить нас.

Мать встревожилась ещё больше.

— А ты откуда об этом знаешь? — невольно вырвалось у неё.

— Через несколько лет я встретил её подругу. Она сказала.

— О Аллах, — воскликнула Мингьямал и прикусила язык. — Значит, не зря ругала её мачеха, я про Майсару говорю. Видно, та девчонка и в самом деле была непутёвая.

— Эсэй, прошу тебя, остановись. Не смей хулить Линару!

До этого сын ни разу не грубил ей, не повышал голос. Она даже испугалась, услышав столь резкий ответ. Чувство раскаяния охватило было женщину. Но, не желая сдаваться, она тут же, в самооправдание, стала припоминать всё плохое, что говорила о Линаре её мачеха.

И лишь за полгода до смерти, неизлечимо больная, из страха перед суровым божьим судом, отважилась во всём признаться. Покаялась. Рафик не удивился. Он давно догадывался, что без матери тут не обошлось: хотела подправить бровь, а попала в глаз. Что толку теперь ему от её признания? Полжизни прошло, всё быльём поросло... Даже если реки вспять потекут, прошлое назад не воротишь.

— Хотела тебе счастья, сынок, не держи на меня зла, — выдавила из себя мать... Из ввалившихся, полных страдания глаз выкатились две слезинки. Она еле дышала. Рафику стало до боли жаль её, и слова упрёка застыли у него на устах. А Минъямал продолжала: — Если захочешь меня послушать, вот мой совет: попробуй найти её. Встретитесь, поговорите... Кто знает, может быть, тогда успокоишься. — Так сказала она, а втайне, видимо, всё-таки надеялась, что Линара утратила за эти годы былую привлекательность, превратилась в неряшливую тётку. Вот тогда, может быть, и остынет к ней сын, привыкший видеть вокруг себя на работе красивых, со вкусом одетых девушек и женщин. А мужчины — известное дело — всегда на красоту падки.

— Вот это правильно, — с готовностью согласился тогда Рафик. — Попробую-ка я сыщиков нанять, чтобы разыскать её.

На том свете теперь его матушка. Что сказала бы она, увидев, кем стала и как выглядит отвергнутая ею Линара?..

А ведь он и в самом деле намеревался после симпозиума вплотную заняться поисками. Человек — не иголка в стоге сена, так что есть вероятность, что ему повезёт. Судьба же готовила ему сюрприз. Нежданно-негаданно возлюбленная нашлась и сама подошла к нему. Вот счастье! Мугинов глаз не сводил с неё, сидевшей в передних рядах вместе с немецким учёным. Этот рыжий прошептал ей что-то на ухо, после чего оба засмеялись. Сразу видно, он к ней неровно дышит. Ещё бы, ведь она такая красивая, эффектная. Напоминавшая когда-то гадкого утёнка-заморыша девочка превратилась со временем в прекрасную благородную птицу-лебедь. Круг, в котором Линара вращается, не мог не оказать своего влияния: вон какие изысканные у неё манеры, сама же — деловая, держится уверенно и непринуждённо, одевается с лоском. Умеренный, едва заметный макияж лишь подчёркивает достоинства её внешности. Ей тридцать пять, а выглядит лет на двадцать. Годы лишь прибавили ей шарма.

* * *

На нынешний симпозиум Рафик Камалетдинович возлагал большие надежды, так как затрагиваемые на нём проблемы имели для него очень важное значение. Он намеревался внимательно прослушать каждое выступление и по возвращении из Екатеринбурга организовать городскую пресс-конференцию. Однако неожиданная встреча с Линарой, вызванные этим событием волнения, ожившие воспоминания отвлекли его от основного дела. Впрочем, ничего страшного — с содержанием докладов можно будет ознакомиться, как только выйдет сборник материалов симпозиума.

Первый рабочий день форума, растянувшийся на шесть часов, наконец-то завершился. До десяти часов утра все свободны. Фейхтвангер, нежно взяв за руку переводчицу, сказал:

— Моя дорогая, наша делегация отправляется в ресторан. Надеюсь, вы составите мне компанию.

— Прошу прощения, но меня ждут... Я пойду, ладно?

— А-а, господин Мугинов?.. — догадался немец. — С научной точки зрения, его рассуждения весьма любопытны. Оказывается, нас интересуют одни и те же проблемы. Не мешало бы познакомиться с ним поближе.

— Конечно, — согласилась Линара, настороженно взглянув в масляные, цвета морской волны, глазки бледнолицего господина. «Хитрит, придумал по-

вод не отпускать меня от себя... Сейчас, наверняка, скажет, а не взять ли нам его с собой».

Не успела она об этом подумать, как тот предложил:

— Фройляйн Линара, давайте пригласим господина Мугинова в ресторан.

Наблюдавший за любимой со стороны, вернее было бы сказать, ожидавший, когда же та, наконец, освободится, Рафик сообразил, что немец не хочет с ней расставаться. Как же она поступит — пойдёт к нему или уйдёт со своим спутником?

Он нервно ходил взад-вперёд. Посмотрел на часы. Надо же, только-только нашли друг друга, и вот на тебе... Хотя нет, Линара направилась к нему. Глаза сияют. Какая лёгкая у неё походка, будто летит, а не идёт. До чего же к лицу ей это декольтированное платье.

Она ласково к нему обратилась:

— Рафик, если ты не занят, если будет желание... В общем, господин Фейхтвангер зовёт тебя в ресторан, где он ужинает со своей группой.

— А мне так хотелось посидеть с тобой вдвоём, — расстроился Рафик, умоляюще на неё глядя.

— Мне тоже, — не стала скрывать она. — Но ты ведь знаешь, это моя работа. И я не смогу освободиться, пока не провожу его до гостиницы. К тому же, Эрнст Фейхтвангер не только наш гость, он был моим научным руководителем.

— Руководителем?!

— Я потом тебе всё объясню... — пробормотала Линара. — А сейчас решай — идёшь или нет?

— Иду.

— Тогда пошли!

Разговор поначалу не клеился. Новые знакомые как будто присматривались друг к другу. Каждый из них сознавал, что представляет свою страну. Уровень беседы, по мнению обоих, должен был быть соответствующим, что, безусловно, мешало завязыванию естественной беседы. В сложившейся ситуации Линара, с её богатым опытом переводчика и общения с иностранцами, делала всё от неё зависящее, чтобы создать непринуждённую атмосферу.

— Господин Фейхтвангер, какое впечатление произвело на вас выступление моего одноклассника Рафика Камалетдиновича? — спросила она с улыбкой, переводя взгляд с одного на другого.

— Тема доклада актуальная. Меня тоже очень тревожит будущее нашей планеты. Человеческая цивилизация не должна подталкивать мир к катастрофе. Напротив, мы обязаны использовать все возможности для дальнейшего развития духовной, интеллектуальной культуры, для научных достижений, для роста материального благополучия.

— Я вижу, мы с вами единомышленники, — заметил ему по-немецки Рафик. — Очень рад.

Линара просияла. Значит, общаться им будет намного проще. Когда нет языкового барьера, учёные могут дискутировать сутками. Похоже, общий язык они найдут. Однако то, что Рафик сказал потом, не могло её не встревожить.

— Мне трудно согласиться с позицией Уильяма Бека, изложенной им в книге «Что такое цивилизация?», — избегая заявить прямо, что он не приемлет неко-

торые моменты в докладе самого Фейхтвангера, башкирский учёный специально сослался на книгу Бека, прибегнул к намёку.

— Да, он не верит в успех глобализации, — уклончиво ответил собеседник.

— Понимаю, — многозначительно произнёс Рафик, сообразив, что тому не хочется обострять ситуацию.

Воспользовавшись минутной заминкой, немец быстренько перестроился, перейдя к общим рассуждениям.

— Вся проблема в самом человечестве, — сказал он. — Глобализация требует от нас высокой нравственности. Ей мешают те, кто стремится к наживе, использует власть в корыстных целях, карьеристы.

— Вы правы, господин профессор, нам нужно объединяться, — кивнул Рафик и взглянул на Линару.

— Да, да, именно так, — с готовностью подхватил его слова Фейхтвангер.

Мугинов хотел было, не дожидаясь официанта, разлить водку, но гость отказался:

— Нет, нет. Мне, пожалуйста, коньяк.

Линара же предпочла сок.

— Найти в научном мире единомышленника — большая удача, это всё равно что в куче руды обнаружить золотой самородок, — заметил Рафик и предложил: — Так давайте выпьем за наше сотрудничество!

Фейхтвангеру, видимо, тост понравился — рюмку он допил до конца.

Желая ещё больше разрядить обстановку, в разговор вступила Линара.

— Как там Рур? — спросила она, повернувшись к гостю. — Кстати, прошло уже пять лет, как я окончила Рурский университет.

— А ты что, в Руре училась? — удивился Рафик.

— Да.

— О-о-о, она была прекрасной студенткой! — оживился немец. — Помните, фройляйн Линара, как мы плавали на паруснике по Рейну?

— Конечно, помню. Я обожаю Рейн. По выходным ходила на пляж и с удовольствием плавала. Рафик знает, что я пловчиха.

— В 60—70-е годы состояние нашего Рейна было плачевным. Сколько статей написал я тогда, выступал на разных форумах в его защиту. Из-за этого нажил себе среди высокопоставленных чиновников и бизнесменов немало врагов. И лишь с началом реализации концепции устойчивого развития экологии о Рейне стали проявлять заботу. Слава Богу, сейчас защите окружающей среды у нас уделяется большое внимание.

Рафик с уважением взглянул на коллегу и, со своей стороны, посетовал:

— У нас тоже проблем предостаточно. В Башкортостане, например, беспощадно вырубаются леса, главным образом, в Зилаирском районе, Бурзянском и Белорецком... Свой Ашкадар, Линара, ты бы теперь не узнала. Обмелел, вода грязная. Особенно возле Стерлитамака.

— Да, да, я слышал об этом, — подхватил его слова немецкий учёный. — Это ведь можно остановить, господин Мугинов. Действуйте, берите на вооружение резолюцию симпозиума. Смелее! Наше дело — правое. Всем известно, как в своё время был загрязнён Рейн. Мы твёрдо тогда взяли за эту проблему. И в итоге добились в Германии приоритета сохранности природы, природных ресурсов. Борьба оказалась, как видите, ненапрасной.

Несмотря на это, Рафик не собирался с ним откровенничать, делиться всем, что наболело. Начнёшь перечислять — проблемы на каждом шагу. Да, проблем у нас — тьма: порча земли, загрязнение химикатами, гербицидами, распахивание без надобности, потрава скотом... Планируют на государственном уровне разные меры, да что толку. Среди простых людей есть радеющие за землю всей душой, но к их мнению никто не прислушивается. Нам не хватает твёрдости, настойчивости.

— Это просто замечательно, херр Фейхтвангер, — откликнулась на слова немецкого гостя Линара, которой тоже не хотелось обсуждать с иностранцем неприглядные стороны жизни своей страны. — Как я мечтаю ещё раз поплавать в Рейне.

Тот уже успел захмелеть, и её внимание придало ему смелости. Он даже не пытался скрывать свои чувства и перешёл на «ты».

— Дорогая моя, я увезу тебя с собой! Ты должна расти, делать карьеру! Тебя ждёт Рур! Мы будем вместе заниматься экологическими проблемами.

— Спасибо за приглашение, я подумаю. Мне нравилось учиться в Германии.

— Линара, дорогая! Ты не знаешь себе цену. Ты — уральская яшма. В России яшму дробят и посыпают ею дороги, а в Германии мастера создают из неё произведения искусства, шедевры. У тебя большой потенциал, ты можешь стать известным учёным, профессором.

Немец не сводил с Линары зачарованных глаз. Рафик начал уже нервничать. Решив пресечь дружески-любственные излияния, он задал ему нелिцеприятный вопрос, который давно вертелся на языке:

— Кстати, хотел у вас спросить, господин профессор, а в каком состоянии нынче месторождения каменного угля и железной руды между Руrom и Липпе?

— Видите ли, Гитлер интенсивно эксплуатировал их...

— Да, знаю. Во время войны с Россией железо добывали там сверх всякой меры... Уж не потому ли фюрер так стремился к Уралу?

Фейхтвангер немного сконфузился, но не спасовал.

— Не может же каждый немец отвечать за преступления и зверства Гитлера. Очень многие осуждают его за стремление к мировому господству, в том числе и я. Военных в нашем роду не было, мои предки были банкирами. Мой отец даже участвовал в антифашистском движении.

— Я не совсем понял, что вы имели в виду, говоря о рациональном использовании природных ресурсов Рурского бассейна. Рядом со мной сидел профессор Гильманов. Он, как и я, был в недоумении.

— Разве я говорил о чём-то нереальном? Вы богаты природными ресурсами. А наши технически оснащённые заводы нуждаются в сырье. Признайтесь, международное разделение труда и специализация неизбежны, поскольку объективно необходимы. Многие учёные выступают за такого рода сотрудничество, рассматривая природные ресурсы как общее достояние всего человечества. Лично я разделяю эту концепцию.

— Понятно... — покачал головой Рафик, удовлетворённый его ответом. Он убедился в том, что с самого начала был прав относительно истинных намерений немецкого учёного.

— Я за экономическую интеграцию, mein Herr! — подчеркнул тот, уставившись в одну точку, и умолк.

Мугинов понял, что продолжать дискуссию не имеет смысла. Под видом глобализации высокоразвитые государства навязывают менее развитым и слабым странам свою волю. Слабыми и безропотными всегда помыкают. Если Россия не будет сильной, её просто-напросто сожрут.

Несмотря на то, что мужчины благоразумно свели на нет возникшую было конфликтную ситуацию, Линара не теряла бдительности, всё ещё опасаясь, что они могут вернуться к спорному вопросу и зайти далеко. Существует ведь международный этикет. И пренебрегать им нельзя. Чтобы разрядить обстановку, женщина пригласила немца на танец. Тот был, естественно, польщён. Фейхтвангер расценил это как знак внимания, дающий повод надеяться на то, что она согласится уехать в Германию и выйти за него замуж. А что, среди его знакомых есть женатые на башкирках. И, насколько ему известно, живут они хорошо. Он же со временем сделает из этой способной, перспективной дамы замечательного учёного.

Вот уже три года Эрнст живёт один. Жена его Зильда оказалась легкомысленной особой. Ей бы только развлекаться. К тому же она хороша собой, и любовники у неё не переводились. В общем, семейная жизнь у них не сложилась. И наконец-то они развелись официально. Холостяк знает Линару больше десяти лет: она аккуратная, деликатная, серьёзная, трудолюбивая, держится естественно, без жеманства, никогда не кокетничает — не то что Зильда. Чего ещё желать! У Фейхтвангера учащённо забилось сердце, он притянул молодую женщину к себе и прошептал ей страстно в самое ухо:

— Ты — фея, фройляйн Линара! — Пользуясь моментом, немец поспешил посвятить её в свои намерения: — Я мог бы сделать тебя счастливой, если бы ты захотела. Ты ведь знаешь, что я выделял тебя ещё со студенчества. С моей помощью ты успешно защитила дипломную работу. У тебя была возможность продолжить работу над темой, написать диссертацию. И сейчас не поздно это сделать...

Линара невольно отпрянула, но тут же вежливо ответила:

— Я тоже вас уважаю.

— Так поезжай со мной в Германию. Тебе нужно расти, — в очередной раз повторил профессор.

— Это невозможно.

— Почему?

— Я не могу покинуть свою страну.

— О чём ты говоришь?! У нас общий дом — Земной шар. Человек может жить где угодно. Как говорится, дом там, где тебе хорошо.

— Я подумаю, — уклонилась она от прямого ответа.

У Эрнста испортилось настроение, но он не подал виду. А тут и музыка кончилась.

Как только Фейхтвангер с Линарой вернулись, Рафик, который, не покидая своего места, напряжённо следил за тем, как они любезничали, с вымученной улыбкой произнёс:

— Я ждал вас, чтобы попрощаться. Надо отдохнуть перед завтрашним заседанием.

И тут Линара перешла на башкирский:

— Мы ведь даже не поговорили, — сказала она вполголоса.

— Ты же на работе, — съязвил тот.

— Рафик Камалетдинович, ты не сможешь мне проводить гостя?

— Я устал.

— Но ведь ты же сам говорил давеча, что соскучился, что хочешь поговорить со мной.

— Потом поговорим.

И тут в их диалог вмешался Фейхтвангер:

— Фройляйн Линара, герр Мугинов, вы по-башкирски разговариваете, не так ли?

— Да. А вы разве понимаете по-нашему?

— Изучал немного.

— Вот как!

— Да, да, меня ведь интересует экология Среднего и Южного Урала. Я собирал информацию по Аркаиму и даже съездил туда несколько раз.

— Вы были в Аркаиме? — изумился Рафик, внимательно взглянув на немца, и отметил про себя: не странно ли, что тот интересуется башкирским языком, Башкортостаном, Южным Уралом?.. Впрочем, он же знаком с его трудом об уральской яшме, где есть моменты, которые не могут не настораживать. «Российские камнедробилки превращают яшму в крошку, которой посыпаются дороги, а в руках немецкого ваятеля яшма превращается в произведение искусства. Если бы мы направили туда наши инвестиции, то получали бы немалые доходы». Вспомнив об этом, Рафик подумал: «Вот почему он сравнивает Линару с яшмой! Хоть и не говорит напрямик, у него всё одно на уме — притязает на наши месторождения. И не только на месторождения...»

— Цивилизацией Аркаима у нас давно интересуются. Некоторые считают, что именно там расположен «пуп Земли». В первый раз побывал я там три года тому назад, двадцать первого июня, во время летнего солнцестояния. Хотел вступить в контакт, пообщаться с оккультными силами.

— Ну и как, пообщались? — оживился Рафик, который тоже туда ездил, чтобы лучше постичь магию и оккультизм.

— Там я встретил много интересных людей, познакомился со спиритуалистами, с медиумами. Меня давно привлекают люди, являющие собой связующее звено между двумя мирами — материальным и духовным.

Рафику сразу же вспомнилось пережитое им лично в этом году, после поездки в Аркаим. День был ясный, бездонное небо — голубое, безоблачное, чистое. А когда он дома просматривал видео и сделанные в Аркаиме снимки, обомлел, заметив на нескольких из них радужную надпись арабской вязью — «Аллах». Вот когда он по-настоящему уверовал в Аллаха.

Как объяснить столь загадочное явление? Иначе как чудом его не назовёшь. Уж не был ли это знак свыше, благая весть о том, что он скоро увидится с Линарой? Не исключено. Разве не сам Всевышний способствовал их сегодняшней встрече? Без воли Аллаха это не произошло бы. Рафик с нежностью посмотрел на возлюбленную, и вдруг до него дошло, что Фейхтвангер, потихонечку потягивавший коньяк, уже успел переключиться на другую тему:

— Мой друг историк Петер Трог рассказывал, что в Великой битве народов участвовали башкирские полки, что, возвращаясь с войны против Наполеона, они останавливались в Германии. Есть свидетельства очевидцев. От него я узнал

также, что недавно в Лейпциге открыли памятник башкирским воинам. У Петера есть приятели в Уфе, и сам он даже немного говорит по-башкирски.

Как бы то ни было, но факт, что иностранец так живо интересуется Уралом, уже сам по себе удивителен. И интерес этот отнюдь не праздный.

После затянувшейся паузы разговор уже не возобновлялся, и гостям не оставалось ничего другого, кроме как расплатиться с официантом. После этого они попрощались с сидевшими за соседним столом немецкими коллегами и вышли на улицу.

Тёплый летний екатеринбургский вечер. Душистые цветы перед рестораном источают свой сладкий аромат на всю округу. Захмелевший Фейхтвангер, не желая расставаться со спутниками, разговорился, пустился в рассуждения о том, как он представляет себе будущее планеты, поделился своими гипотезами.

— Земной шар принадлежит всем народам. Это наш общий дом. И мы все должны его беречь. Возьмём, например, Урал. Какова там плотность населения? 20—25 человек на квадратный километр. А в Бангладеше — шестьсот, в Японии — триста тридцать один, в Великобритании — двести тридцать шесть. В целом по России — десять человек, в мире — сорок. Справедливо ли это? Под глобализацией я подразумеваю всеобщую справедливость. На нашей планете территории и природные ресурсы, как наземные, так и подземные, должны быть равномерно распределены между всеми народами, нациями.

Рафику такой расклад совершенно не понравился. Линаре тоже. Но что толку вступать в дискуссию с подвыпившим. У влюблённых было одно желание — поскорее спровадить Эрнста в гостиницу. Немцу же, видимо, не хотелось отпускать их вдвоём. Продолжая топтаться у входа, он заладил своё, снова обращаясь к Линаре на «вы»:

— Вам непременно надо поступать в аспирантуру экономического факультета нашего Рурского университета. Я возлагаю на вас большие надежды. — Заходя в свой номер, профессор снова повернулся к ней. — Подумайте над моим предложением, фройляйн Малихова. Имейте в виду, образование, полученное в Германии, котируется в мире очень высоко...

Насилу отбившись от назойливого гостя, оба с облегчением вздохнули.

— Подружился с немцем, держи пистолет в кармане, — заметил Рафик.

Линару же больше всего поразил факт, что Эрнст решил выучить башкирский.

— Иногда мне чудилось, что он знает русский. У этого господина...

— Похоже, клинья к тебе подбивает.

— Да я уж привыкла к его ухаживаниям.

— Значит, ты училась в Германии...

— Да, в Рурском университете. И хорошо изучила немцев. Среди них есть всякие, как и везде.

— Да ладно, Линара, каждый печётся в первую очередь о благе своей страны. Это нормально. Фейхтвангер приехал сюда с определённой целью — защищать интересы своего государства.

— И чего им не хватает? Живут ведь намного лучше нас, в достатке, в комфорте.

— Запросы постоянно растут... Человечество ненасытно. Чем больше имеешь, тем больше хочется. А уж власть имущие и вовсе не знают меры — стремятся всё выше, всё к большему могуществу. Такова уж человеческая натура,

— задумчиво рассуждал Рафик и вдруг встrepенулся: — Немец говорит, что увезёт тебя в Германию... Ты поедешь?

— Ну, в общем-то... — замялась Линара. — Если честно, мне там понравилось. Было бы неплохо поступить в аспирантуру. Это же не насовсем.

— Своя страна — золотая колыбель, как у нас говорят. Родину ничто не заменит.

— Да, я люблю свой край, люблю Миасс...

Услышав это, Рафик порывисто схватил её за руку.

— Теперь я ни за что не отпущу тебя от себя. Не для того же мы встретились сегодня, чтобы опять расстаться.

Ночные улицы полны таинства. В бездонном тёмном небе мерцают звёзды. Ветерок, как когда-то в юности, треплет её локоны. Вот так гуляли они по улицам Челябинска семнадцать лет тому назад. И все семнадцать лет разлуки грезили, бедные, о встрече. Тосковали друг без друга как мифические Сак и Сук. А теперь идут вместе по тротуару, держась за руки. И это не сон?

— Если б ты только знала, как долго я искал тебя, Линара! Ездил в твою деревню, расспрашивал у отца...

— Ты уже говорил.

— Даже в стерлитамакском детдоме никто про тебя не знает. Как же тебе удалось так ловко замести следы? А ты не думала, что я стану искать тебя?

— Думала, потому и не сказала почти никому, куда уехала. Я твёрдо верю в судьбу. Если мы встретились, значит, так было предначертано свыше. — Она опустила глаза. Ну как расскажешь ему вот так, с ходу, о своих проблемах, о пережитом со всеми подробностями? О безотрадном сиротском детстве, о притеснениях со стороны мачехи, об обиде на родителей, о том, каково чувствовать себя лишней, никому не нужной...

— В душе я верил, что мы когда-нибудь встретимся. Я готов был перевернуть весь мир, чтобы отыскать тебя, собирался даже нанять самых опытных детективов.

— Вот как! Было бы здорово — жалко, успели встретиться, — рассмеялась Линара и, вдруг призадумавшись, спросила: — А семья у тебя есть?

— Я был женат. Развёлся. И дочь была... Я давно уже один. Полностью отдался науке. А как у тебя личная жизнь сложилась?

— Мне тоже особо нечем похвастаться. Замуж не вышла. Всё моё время занимает работа. В общем, живу одиноко, — с горечью заключила она, отчего у Рафика защемило сердце. Стало быть, и у неё личная жизнь не состоялась.

— Линара! — срывающимся от волнения голосом воскликнул Рафик. — Как же так? Это я во всём виноват, да?.. Ты меня ждала?!

— Да, ждала.

Он до боли сжал её руку и выдохнул: «Моя Линара!»

Оба, переживая внутри каждый своё, на время умолкли, а потом вдруг воззрились друг на друга и заговорили разом, наперебой:

— А ты помнишь?

— Ты помнишь, Рафик?

— Ты помнишь, Линара?

— Помню, да, помню!!!

— Молнии сверкали, гром гремел, а мы с тобой гуляли до самого рассвета.

— Да, да, гроза была жуткая — вспышки, грохот, вот-вот хлынет ливень, а нам всё нипочём. Весело. Так ты ещё пытаешься разучить со мной свою песенку.

— Это была любимая песня моей бабушки.

Линара тут же пропела один куплет:

Бережок Миасса галькой устлан,
То не галька — бисер да кораллы,
Чернобровая моя, ласточка моя,
Душа в душу будем жить с тобой.

— Надо же, ты не забыла?!

— Не забыла!

Воспоминания захлестнули их.

Да, молодость, молодость! Нежные, словно цветы, чистые чувства.

В тот вечер Рафик впервые коснулся руки девушки. Наблюдая с восторгом за яркими вспышками, он воскликнул:

— Здорово, правда?

— Эх, если бы всегда так было, как сейчас! — прошептала Линара, прильнув к нему.

Пожалуй, счастливее того дня в жизни обоих больше не было. Им казалось тогда, что нет радости больше, чем идти вот так вдвоём среди разыгравшейся стихии под чудесную песню Рафика.

Бережок Миасса галькой устлан,
И по этой гальке я бегу.
Вспомню жизнь прошедшую мою,
Загрустив, вздохну и запою.

Что за восхитительный голос у её возлюбленного! Есть в нём какая-то магическая сила, если так за душу хватает, наводит на грусть, тоску. С тех пор, как себя помнит, не знала она тепла домашнего очага, зато познала сполна всю горечь сиротства. Столько выпало ей страданий, что подуй на зелёную траву — почернела бы. А Рафик-то, наверное, и знать не знает, каково ей. И всё же натура у него тонкая. Только он один во всём мире мог бы её понять. Именно так думала в тот грозовой вечер юная девушка. А потом?! Она ничего не забыла, она всё помнит...

Как замороженная, с трепетом слушала пение любимого и готова была вечно бродить с ним вот так по берегу Миасса. И шли бы они, шли вместе одной дорогой, но, увы. Мечты сбываются лишь в сказках. В реальной жизни действуют свои законы. Юных влюблённых поджидала неприятность: у калитки стоял злой, мрачнее тучи, отец Линары. Как же досталось им от него...

Ой, нет, нет!!! Об этом лучше не думать. Прочь тяжёлые воспоминания, хотя бы сегодня оставьте её в покое, когда она так счастлива. Такое чувство, будто день нынешний — счастливое продолжение того далёкого-далёкого вечера. Как бы то ни было, судьба всё равно благосклонна к ней. Пусть с большим опозданием, но встреча их всё-таки состоялась.

Да, жаловаться ей вроде бы не на что. У неё любимая работа, она всегда при деле — постоянно востребована как первоклассный переводчик, ездит на международные мероприятия. Зарплата приличная. Замечательная квартира в самом центре города. И только одно всегда омрачало её существование — одиночество...

Неожиданный телефонный звонок нарушил идиллию.

— Алло, Рафик Камалетдинович, вы где? Надо бы посидеть, обдумать, что будем говорить завтра.

— Да, Тагир Искандарович! О чём бы ни говорили, мы в первую очередь должны исходить из наших национальных интересов. Что даст башкирам глобализация? Вот о чём надо подумать.

Этот звонок вернул обоих к действительности. Он напомнил им о том, какой ответственный предстоит день. Тем не менее, прощаться они не спешили. Им было ещё о чём поговорить.

— С Фейхтвангером ты в одной секции. Даже если у вас возникнут трения, пожалуйста, не будь с ним резок, — решила предупредить Линара Рафика, вспомнив, как ревностно тот отнёсся к немцу. — Он много сил положил для создания экологической стабильности в Европе, для реализации программы, принятой на конференции в Рио. Его опыт, наработки могут пригодиться и нам. Помощь тоже, возможно, понадобится. Ни злом, ни обидой врага не одолеешь. Добиться своего можно лишь действуя умом.

— Ладно. — Рафик не стал с ней спорить. Опыта, чутья ему тоже не занимать. Он постоянно следит за трудами зарубежных коллег и знает, кто над какой проблемой работает, какие у кого взгляды. Толерантность толерантностью, но отдавать башкирскую яшму на откуп ненасытным буржуям тоже нельзя. Бизнес должен быть обоюдовыгодным.

На правах принимающей стороны Линара вызвала такси, чтобы отправить друга в гостиницу, арендованную Академией. Завтра предстоит основное — работа по секциям. Конечно, трудно расстаться двум стосковавшимся сердцам. Но влюблённые, будучи людьми взрослыми, не могут не понимать, что в столь ответственный момент необходимо сохранять трезвую голову, чувства следует подчинить разуму. Когда решается судьба планеты, нации, родной страны, личное отодвигается на второй план.

И вот наступила минута прощания.

— До завтра, моя милая.

— Спокойной ночи, земляк!

Рафику не спалось. В мыслях он то беседовал, спорил с Линарой, то переключался на проблемы своего народа, за будущее которого постоянно тревожился. «Я не флюгер — не для того сюда приехал, чтобы подпевать кому-то. На форуме у меня одна задача — защита интересов моего народа», — думал учёный.

Зная, какой тяжёлый день ему предстоит, он закрыл глаза. Но теснившиеся в голове мысли мешали ему заснуть. С тех пор, как стал вникать в экологические и экономические проблемы, ему не даёт покоя один вопрос: почему владеющий несметными природными богатствами башкирский народ оказался на грани выживания? Исчезают с лица земли аулы, повсюду — безработица, в глубинке плохие дороги, далеко не везде есть газ и водопровод. Не лучше живётся и челябинским башкирам. Как же покончить с жалким существованием? Каким образом вытащить народ из трясины?

Не переставая думать, Рафик смотрел сквозь окно на звёздное небо. Да, веками башкир теснили, грабили, подавляли, истребляли. А это не могло не отразиться на генофонде, на национальном характере. В итоге гордые, свободолюбивые, воинственные некогда башкиры стали, в основной своей массе, безропотными. Ощущающий безысходность положения человек теряет уверенность в своих силах, утрачивает надежду на будущее, предаётся унынию и скатывается всё ниже и ниже. Между тем политики пытаются решать вопиющие проблемы простым способом. Во всех «грехах» власть предержащие винят сам народ, снимая тем самым с себя ответственность. Причины же следует искать гораздо глубже. Разве один народ в состоянии справиться с такими страшными, отвратительными явлениями, как наркомания, пьянство, разврат, садизм, геноцид, ввергающими мир в хаос?! Очень многое зависит от правителей, от законодателей и от контроля исполнения принимаемых ими законов. А те, кто за глобализацию, должны изучать насущные для всего человечества проблемы, делать надлежащие научные выводы, обсуждать их на таких вот форумах и вместе искать пути решения.

Религиозные деятели твердят о том, что судьба человечества напрямую связана с состоянием нравственности. Такое мнение высказывалось и на симпозиуме. Рафик понимает, что оно небезосновательно. Конечно, он вряд ли смог бы в данный момент доказать это научным путём, но интуиция подсказывает ему, что иман, благочестие могут спасти мир.

Размышления о судьбе человечества неизбежно влекут за собой мысли о политике. Рафик вспомнил про «холодную войну». Поскольку не удалось победить Россию во время второй мировой войны, стал разрабатываться план развала её изнутри: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые...», «Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх и вражду народов... мы будем ловко и незаметно культивировать»... Реализация доктрины Аллена Даллеса, ставка на моральное разложение населения нашего государства — это ли не геноцид?! В большинстве стран процветают культ секса, педофилия, насилие, садизм, пьянство, наркомания. Дожили уже до признания однополых браков. Все эти явления, невзирая на границы, распространяются как зараза по всей планете и не только тормозят прогресс, но и неуклонно ведут цивилизацию к гибели.

Вызывает у Рафика озабоченность и повсеместное сквернословие. Он на всю жизнь запомнил прочитанное им как-то изречение одного праведника: «Произносящий скверные слова не достоин входить в храм Божий и прикасаться к святыне; о таком человеке Ангел Хранитель плачет, дьявол же радуется; на такого Бог посылает различные напасти и несчастья».

Звучащая ныне всюду непристойная брань есть тоже одно из следствий так называемой свободы, которую многие у нас восприняли и понимают как вседозволенность, распущенность, разгул низменных животных инстинктов. А средство избавления от мерзких, губительных для общества пороков, к сожалению, пока не придумали. Многие напасти проникли к нам из-за границы, как в своё время наши картофельные поля и огороды одолели колорадские жуки. Уж чем только их не травят, а эти прожорливые твари всё плодятся и плодятся. Неужто нам не удастся изжить заносимые извне гнусные пороки? Неужели и они навечно укоренятся у нас, как эти живучие, неистребимые жуки?

Крайне озабочен Рафик Камалетдинович и судьбой соплеменников. Он убеждён, что башкирский народ сможет решить свои социальные проблемы, лишь оживив в себе генетическую память. Генетическая память способна хранить тысячелетнее сознание. Наши гордые и непокорные далёкие предки были выносливы физически и сильны духом. За возрождение этого духа мы и должны бороться.

Говорят, башкиры пьют. Газеты пишут о том постоянно. Был бы от газетной шумихи хоть какой-то толк — напрасные потуги, только бумагу зря переводят. А всё потому, что делается это формально, для отвода глаз. Дескать, СМИ реагируют, и ладно. Значит, не сидим сложа руки, борьба ведётся. В действительности же годами создаётся видимость борьбы. И каков итог?! Если и наблюдается относительно пьянства в последнее время какая-то положительная динамика, то, главным образом, исключительно благодаря обращению многих к вере. Рафик не сомневается, что избавить людей от пагубных привычек, в том числе от алкоголизма, можно лишь при реальной заботе о духовном развитии человека.

Да, проблемам нет числа. Но среди учёных достаточно тех, кто способен и готов помочь решить их. Надо только взяться за них дружно, и тогда, вероятнее всего, можно будет постепенно справиться с ними. Наука не терпит суеты, поверхностного отношения к делу, она требует педантичности, полной отдачи, вечного беспокойства и горения. Высот в науке, поставленных целей достигает лишь тот, кто умеет защищать, всесторонне обосновывать, аргументировать свою позицию, подкреплять каждое утверждение убедительными фактами. Если суждено, Рафик поднимет волнующие его проблемы на глобальном уровне. Для реализации далеко идущих планов у него достаточно знаний, профессионализма и опыта, есть желание, воля и энергия.

Вздурораженный этими мыслями, забылся он лишь перед самым рассветом.

Часть третья

Переполненная впечатлениями Линара тоже не сразу заснула.

В совершенстве владевшая немецким, английским, на каких только форумах не побывала она в качестве переводчика, с какими только учёными не общалась, объездила чуть ли не все европейские страны. К тому же её интересуют проблемы глобализации, волнует, как и Рафика, нелёгкая судьба их немногочисленного народа. Как скажется глобализация на башкирах, населяющих Урал с незапамятных времён? Линара довольна, что делегаты от Челябинской области и Башкортостана подняли эту проблему на форуме.

Интервенция, дискриминация народов происходят и в наши дни. Но, вместо того, чтобы этому противостоять, некоторые, включая Эрнста Фейхтвангера, ратуют за использование слабых стран лишь в качестве источников сырья...

О чём бы ни думала теперь Линара, её неотступно преследовал образ Рафика. Настоящий учёный — боевитый, смелый. Основательные знания и здравые, глубокие суждения. Выступление продумано до мелочей. На симпозиумы международного уровня не приглашают кого попало — значит, в ООН он на особом счету. Чувство гордости за любимого охватило её.

Если сам Рафик ничего не знал о ней до сего дня, то она старалась следить за его деятельностью по газетам, журналам. Была в курсе, что он занимается экологией. Только про то, что происходило в его личной жизни, предпочитала не знать, не расспрашивала. Такой уж у неё характер — гордый, принципиальный и твёрдый, как уральская яшма. Линара умеет любить, хранить верность. Нетерпимости к обидчикам, стремлению к независимости, умению самостоятельно принимать сложнейшие решения, брать на себя ответственность — всему этому научила её прежняя жизнь. И она никогда не изменяет себе. С детства внушила себе, что при надобности сама должна будет рвать пуповину. Но, чего уж греха таить, случались и у неё минуты слабости, когда возникало желание послать Рафику весточку, встретиться с ним. Удерживала от этого поступка порядочность, боязнь доставить неприятности его жене. А судьба до сих пор почему-то не способствовала их встрече.

Эх, Рафик, Рафик... Счастье сейчас так близко, так осязаемо. Хотела в гости его пригласить. Да не осмелилась. Впрочем, им обоим необходимо отдохнуть. И всё ж... Линара с удовольствием забылась бы в его объятиях. Дожила до этих лет и ни разу не довелось ей изведать счастья близости с дорогим человеком, взаимопроникновения. А ведь как хотелось любить и быть любимой! Чтобы кто-то заботился о тебе, ждал твоего возвращения с работы.

Похоже, Рафик до сих пор её любит. Несмотря на разделявшие их годы. Как-то во сне она видела, что плывёт по Миассу. Течение медленное, вода — чистая-пречистая и такая прозрачная, аж дно просвечивает, а на дне — красноватая галька. Тут послышалась песня. Уж никак Рафик поёт?

Берег Миасса, ай, галька-камушки,
Наносила ту гальку за волною волна.
Только тех, кто терпелив и ждать умеет,
Счастьем одаривает судьба.

Рафик проснулся от ощущения, что кто-то нашёптывает ему в ухо стихи.

Красив, богат и величав,
Взоры алчные привлекал,
Беду на себя навлекал.
Ай, Урал ты мой, Урал,
Извилистый мой Урал,
Когда враг шёл войной,
Защищал, укрывал.

Да это же кубаир, который им читали в школе!.. Учительница Рузида-апай заставила их выучить его наизусть. «Какие прекрасные слова подбирали эсэнзы, слава родную землю. Каждое слово кубаира звенит как сулпы, сверкает будто драгоценный камень, проникает в душу», — говорила она в упоении. Возможно, именно это пробудило в нём увлечение биологией, геологией. Учительница мечтала о том, чтобы у башкирского народа появились свои учёные, которые смогли бы, когда потребуется, защищать его интересы на мировом уровне. Вот такую высокую планку задавала она своим ученикам.

Рафик встал и выглянул в окно. Темновато. Можно поспать ещё пару часиков. Он лёг опять, но сон не шёл. Мысли, с которыми засыпал давеча, вернулись и стали будоражить его с новой силой, словно подталкивали к принятию какого-то важного решения.

— Да, глобализация для малочисленных народов вроде палки о двух концах. — Рафик даже заговорил вслух, будто хотел, чтобы его услышали. — Мы наблюдаем, как сильные готовы раздавить, уничтожить слабых, богатые — бедных, злые — добрых, пройдохи — честных. Когда малочисленный народ живёт днём сегодняшним, в ожидании приказов, милостей сверху и не заботясь о будущем, он сам себе роет яму и сам же ложится в неё. Чтобы народ, как нация, занял достойное место в мире, каждый из нас должен почувствовать ответственность за всю общность. Особенно важно это теперь. Нельзя отставать от других, в том числе — в науке. Для самосохранения необходимо быть едиными, заботиться друг о друге, поддерживать, помогать, проявлять, когда требуется, решительность и смелость.

Повинуясь бесконечному ходу мыслей, Рафик задумался о предстоящем выступлении на заседании секции. Казалось бы, воспитанию подрастающего поколения у нас уделяется внимание. Но это только на первый взгляд. На самом же деле, подход к этому чисто формальный. Создаётся, опять-таки, лишь видимость работы, активной деятельности — проводятся какие-то шумные кампании, акции, отдельные дежурные мероприятия, которые охватывают далеко не всех и каждого. Кроме того, огромный урон воспитанию наносят двойные стандарты. В школе детям внушают одно, а в жизни и на телеэкранах видят они совсем другое. Сутками, на какой канал ни переключись, показывают сцены насилия. Тут тебе и перестрелки, взрывы, убийства, откровенные интимные сцены, героизация бандитов. Известно, как тлетворно влияют фильмы подобного содержания на неокрепшие умы юных бездельников, сидящих на шее у родителей и привыкших к лёгкой жизни, ко всему готовенькому? Когда ничем не занятая молодёжь видит и слышит сплошной негатив, какие могут быть у неё идеалы? Они растут, не ведая, что такое совесть и стыд. Вместо того чтобы воспитывать детей в духовных традициях предков, в любви к родной земле, к языку и заботе о будущем, их сокрушают, направляют на путь порока, превращают в рабов денег и низменных удовольствий, толкают в преступный мир.

Наши девушки, потенциальные матери, цвет, опора и надежда нации, уезжают в чужие страны и города, где теряются, бесследно растворяются. Вместо того чтобы жить и трудиться припеваючи на родной земле, ходить по ней с гордо поднятой головой, они влачат там жалкое существование, подвергаются унижениям и издевательствам со стороны случайных работодателей. А причиной тому — беспросветная нужда. Бедность, нищета ослабляет нацию, вынуждает идти на поклон и подчиняться сильным. Беречь наших девушек, удерживать от бегства на чужбину — обязанность сильного пола. Вон каков господин Фейхтвангер — как вцепился он в Линару! Его послушать — можно подумать, что аспирантура есть только у них, у нас ничего нет. Уговаривает учиться... Да это только повод. Главное, чего он добивается, — увезти с собой молодую, красивую женщину. Будто своих девушек им не хватает. Ну уж нет, держи карман шире — Линара не для тебя, mein Herr! Такие умницы нам тут самим нужны! Рафик уловил вчера, как она дышала. Нет, видать, не забыла, сберегла свою первую любовь. Их никому теперь не разлучить.

С такими мыслями встретил он новый день. Неожиданная встреча с возлюбленной, оказавшейся к тому же единомышленником, наполняла Рафика неопишуемой радостью. В бодром настроении отправился он на симпозиум будто готовый к бою воин.

...Работа в секциях проходила по направлениям: демография, экология, информационные технологии, экономика, геополитика, социокультура. Рафик, естественно, выбрал секцию экологии, где должны были обсуждаться чрезвычайно важные для человечества вопросы.

Первым взял слово представитель ООН. В своём выступлении он оперировал главным образом статистическими данными.

— За минувшее столетие человек добыл полезных ископаемых больше, чем за многие тысячелетия. Мы все знаем, чем грозит наша непомерная жадность. В связи с этим возникает вопрос: можно ли искоренить экономический эгоизм? Боюсь, что нет...

По сверкающим от негодования глазам, по горестным ноткам в голосе легко было догадаться, насколько искренна, сильна его тревога. Далее оратор остановился на проблеме защиты лесов, привёл конкретные факты их хищнического истребления. «В эпоху технической цивилизации была уничтожена фактически треть лесов планеты. С 1970 по 1995 годы человек использовал тридцать процентов природных ресурсов. Если когда-то 80—90 процентов территории Европы занимали леса, то теперь они составляют всего тридцать три процента. Ради производства тонны бумаги и картона в России вырубается тридцать два кубометра леса, в США — семь, в Финляндии — пять, в Швеции — шесть».

На коллег эти цифры произвели эффект. Представив себе страшные картины апокалипсиса, каждый готов был возопить: «Люди, куда мы катимся? Как же допустили мы такое варварство?!» Выступавший вслед за представителем ООН академик Александр Евгеньевич Соколов добавил масла в огонь.

— Мы так хищнически истребляем леса, будто на их месте тут же вырастают новые. А как транжирим бумагу, целлюлозу? Например, один железнодорожный билет состоит из трёх листков, на изготовление которых тратится качественная бумага. Во-первых, это удорожает сам билет, во-вторых, увеличивает затраты сырья. А сколько печатается никому не нужных газет! В подъездах забиты этой макулатурой все почтовые ящики. Сколько же бумаги на них уходит! И подобных примеров — тьма.

Полезным было также выступление турецкого учёного. Он представил обсуждаемые проблемы с точки зрения религии и призвал человеческое общество жить по законам, ниспосланным Всевышним.

— «Коран» — священная книга, которая учит нас беречь природу, использовать её богатства, включая воду, разумно, лишь по мере надобности, — напомнил он присутствующим. — Бездумный, ничем не оправданный их расход осуждается как тягчайший грех. Невоздержанность, ненасытность, жадность приведут человечество к гибели. Всевышний требует от нас благочестия, соблюдения меры во всём...

С учётом того, что мероприятие проходит в уральском городе, Рафик Камалетдинович построил своё выступление, руководствуясь проблемами своего региона.

— Некоторые иностранные инвесторы, заинтересованные в разработке месторождений на территории Башкортостана и Сибирской равнины, рассчитывают на получение огромных прибылей посредством внедрения в процесс современных технологий, новейшего оборудования, собственных высококвалифицированных кадров. Говоря иначе, надеются разбогатеть за счёт эксплуатации наших природных ресурсов, сырья (металла, древесины, газа, электроэнергии) и привлечения к неквалифицированному труду дешёвой местной рабочей силы. Их не заботит, что при этом неизбежно пострадает наша экология, они не несут никакой ответственности за загрязнение окружающей среды, за ущерб здоровью местного населения. Поэтому нельзя позволять временщикам распоряжаться нашими богатствами, как им заблагорассудится. Учёные Башкортостана должны всеми силами противодействовать заключению заведомо губительных для нашего региона контрактов. Не следует упускать из виду и такой немаловажный момент: тому, кто вкладывает инвестиции, принадлежит и продукция, и прибыль. А будет ли польза нам от такого сотрудничества?

Рафик волновался. Патриотизм сквозил в каждом его слове. Ему нелегко было громко озвучивать перед зарубежными гостями эту глобальную для его народа, для родной страны проблему. Но он понимал, что это необходимо, ибо если хирург не удалит у человека опухоль вовремя, тот погибнет. Ошибки тоже надо исправлять своевременно, пока не поздно, чтобы не допустить катастрофы.

Рафик Камалетдинович незаметно, краем глаза, взглянул на Фейхтвангера, которому также были адресованы его слова.

— В условиях, когда собственные месторождения, вследствие интенсивной эксплуатации, истощены, появляется всё больше желающих поживиться за чужой счёт. Возьмём, к примеру, Соединённые Штаты Америки. Согласно статистическим данным, шесть процентов населения этой страны распоряжаются сорока процентами природных ресурсов Земли. И то, что 50—60 процентов площади планеты загрязнены, произошло по их вине. А что будет завтра, их не волнует: мол, пусть об этом другие думают. Поэтому я считаю, что каждая страна должна сама управлять собственными ресурсами, расходовать их бережно, рационально. И при этом уважать права остальных государств...

Сказал он это, как можно было понять, на всякий случай, поступив согласно известной башкирской поговорке «Чем отлёживаться, лучше выстрелить». Одним речью его понравилась, а те, кто вынашивал коварные планы, собираясь использовать Россию как дойную корову, чувствовали себя не в своей тарелке.

Видавший виды, многоопытный и хитроумный Фейхтвангер уже накануне понял, что российские учёные будут упорно отстаивать свою позицию, и на этот раз щекотливых вопросов решил не касаться. Знал, что дома и стены помогают. Ещё, чего доброго, набросятся на него дружно и припрут к стенке. Торопить события он не станет, благо в скором времени предстоят конференции в Германии, в Англии — вот тогда и скажет, что хотел сказать.

Желающих выступить набралось немало. Едва ли не каждый оратор считал своим долгом напомнить, что «нельзя разбазаривать полезные ископаемые, словно запасы их неисчерпаемы», «недопустимо жить одним днём», что «надо думать о будущих поколениях».

Завершился симпозиум принятием резолюции, текст которой был распространён среди участников.

Рафик вышел из зала с ощущением неудовлетворённости. В большинстве выступлений он не почувствовал энтузиазма. Учёным не хватало пафоса, убеждённости. Впрочем, объяснить это можно, очевидно, тем, что в России мероприятие такого уровня в данной сфере проводится впервые. Это всего лишь начало, один из первых шагов. Да и в масштабах планеты учёные-экологи собираются не так часто. Значит, нарыв ещё не созрел. Вот когда созреет, достаточно будет прикосновения, чтобы его прорвало. По-видимому, проблема экологии, озабоченность судьбой планеты не проникли пока в сознание большинства человечества. Придётся по возвращении домой заняться организацией конференций в Челябинской, Оренбургской, Курганской областях, в Башкортостане.

Погрузившись в мысли, он настолько забылся, что даже упустил из виду Линару. Очнувшись, стал искать и вскоре увидел её в обществе Фейхтвангера. Тот был взволнован.

— В общем, я жду вас в Германии, моя дорогая, — сказал он, многозначительно глядя женщине в глаза. — Тогда всё обсудим. Хочу, чтобы вы знали о моём намерении жениться и сделать вас счастливой. Я буду вам звонить.

Пока Линара обдумывала ответ, подросли Рафик и ещё несколько знакомых. Фейхтвангер повернулся к ним.

— Добро пожаловать, коллеги, на конференцию, которая в скором времени состоится в Германии. Особое приглашение вам, профессор Мугинов. Я хотел бы по дискутировать с вами.

— Ну что ж, отказываться не станем, если позовёте, — не раздумывая, ответил Рафик.

Немецкая делегация спешила на самолёт — до вылета оставалось всего два часа.

Проводив гостей до стойки регистрации, Линара попрощалась с ними и поспешила к выходу. Слова Фейхтвангера не выходили у неё из головы.

Приглашение учиться в Германии она с удовольствием приняла бы — это престижно. Но неужели для этого непременно надо выходить замуж за немца — вот чего никак не может она понять. У неё есть любимый, с которым она вот-вот встретится.

Как раз в тот момент зазвонил мобильник.

— Я не могу улететь в Челябинск, не поговорив с тобой, — сказал Рафик. — Когда встречаемся?

— Вечером я свободна.

— Ладно, буду ждать тебя у входа того же ресторана.

— Договорились.

Линара думала пригласить друга юности в гости, но сочла его предложение более уместным. Да, им есть о чём поговорить. Многое нужно рассказать, объяснить.

Ей хотелось попасть побыстрее домой, побыть немного одной, принять тёплую ванну, расслабиться. Привыкшая к одиночеству, она подолгу могла размышлять, часами читала. А сегодня все мысли о нём — о Рафике. Память — бесконечный поток сознания. В потоке сознания выносятся на поверхность то давно пережитое, то нынешнее. И так без конца, одно цепляется за другое.

Э-эх, а как начнёшь вспоминать детство — чего только не испытала Линара будучи ребёнком! Вот и сейчас всё вдруг ожило перед ней, как будто недавно было.

...Очередной скандал родителей. Бурно выясняя отношения, они даже не обращают внимания на испуганную, зарёванную малышку. Разругавшись в очередной раз, подбросили четырёхлетнюю дочку бабушке и разбежались в разные стороны навсегда. А вскоре олэсэй отвезла Линару, оказавшуюся ненужной ни матери, ни отцу, в Стерлитамак, где сдала в детский дом. Не подозревая о том, что родителям нет до неё никакого дела, девочка ждала, когда они приедут и заберут её. Бывало даже, до вечера простаивала у калитки в ожидании отца и матери.

Однажды, когда маленькая Линара стояла на своём обычном месте, к ней подошёл какой-то бородатый пучеглазый мужчина. Достал из кармана конфетку и, протянув девочке, заговорил с ней. Узнав, что у малышки никого нет, схватил её на руки и, несмотря на сопротивление, бросился наутёк. Хорошо, что находившиеся поблизости люди услышали детский крик. Они погнались за похитителем. Подросли и воспитатели.

— К калитке больше не подходи. А то уведут тебя в лес и убьют, — предупредила не на шутку перепуганная пожилая воспитательница, обнимая Линару. — Если уж родители твои приедут, они обязательно захотят тебя увидеть.

После этого девочка перестала ждать. И постепенно свыклась со своим положением. В детском доме было неплохо: хорошо кормили, одевали прилично. Многому научили: шить, вязать, готовить, ухаживать за растениями... Работали разные кружки. Дурного влияния никто не оказывал. В общем, несмотря на то, что прошло столько лет, Линара с теплотой вспоминает и детский дом, и одноклассников-одноклассников, воспитателей и учителей, даже скучает по ним. Если бы она вовремя туда не попала, кто знает, как сложилась бы её жизнь. Даже подумать страшно, что могло бы быть!

Линара вспоминает, как в классе 7—8, когда она уже подросла и стала кое-что понимать в жизни, у неё появилось вдруг желание разыскать родителей. Посоветовавшись с воспитательницами, она написала письмо в деревню родственникам. Через них узнала, что мать живёт в Узбекистане, что у неё новая семья, дети. Отец проживает в рабочем посёлке Миассе недалеко от Челябинска. Оба живы-здоровы.

Вот так, есть у неё и отец, и мать, почему же тогда она сирота при живых родителях?! Девочка написала обоим письма. Она хорошо учится, многое умеет, за что ни возьмётся — всё в руках спорится. Так что им не придётся краснеть за свою дочь. Пусть только приедут за ней, Линара уедет с кем-нибудь из них без раздумий.

Письма от матери она так и не дождалась, а отец ответил. «У нас с тётёй Майсарой четыре дочери. Приезжай погостить к нам на летние каникулы», — написал он.

Жаждавшая поскорее увидеться с отцом Линара еле дождалась каникул. Таковы дети... Каждому хочется жить в своей семье. Почему же её родители допустили, чтобы она, будучи совсем крохой, как незрячий котёнок, угодила в детский дом? Уж не камень ли у них в груди вместо сердца? За столько лет ни один из них не проведаль дочь ни разу. Хоть бы кто-нибудь вспомнил, поинтересовался, каково ей.

Картинки из прошлого мелькали перед глазами как кадры из фильма.

...Вот наконец она в Миассе. Отец встретил её на вокзале. На вид ему 40—45, среднего роста, желтоватое лицо, карие глаза. Девочка была в смятении: неужели этот чужой человек и есть её отец? Но быстро взяла себя в руки. Ведь сама хотела его найти, сама сюда приехала, так что нечего теперь привередничать.

Увидев дочь, отец прослезился. Надо же, девчушка, которая росла без него с четырёх лет, сама его разыскала! И к тому же оказалась такой красивенькой! Должно быть, умница. Ну да, а как же иначе — если додумалась до того, чтобы найти его, значит, и впрямь неглупая.

Жена отца, татарка, выглядывшая намного моложе его, встретила падчерицу настороженно. Ей не понравилось, что Зайнулла так искренне радуется приезду невесты откуда взявшейся дочери, забытой всеми давным-давно.

Чуткая девочка сразу поняла, какой крутой у мачехи нрав. Но, окрылённая встречей с родным человеком, решила не обращать внимание на мелочи — уж очень хотелось, чтобы семья отца её приняла. Поэтому Линара старалась всем угодить: присматривала за младшими сёстрами, играла с ними, помогала мачехе по дому, будь то уборка, мытьё посуды или приготовление обеда. Но та невзлюбила её сразу и даже не пыталась это скрыть. Кто ни зайдёт, тут же ворчать принимается, выкладывает все плохие поговорки про сирот, какие только знает: «Чем сироту кормить, лучше за телёнком ухаживать», «Брюхо у сироты ненасытное», «Нет никого противнее сиротинки»...

Уж как ни унижала её мачеха, как ни травила, Линара бессловесно сносила все попреки и издевательства. Будучи умной, рассудительной, она понимала, что обижаться не имеет права и надо терпеть. Ведь ей так хотелось найти отца. Да и какой с чужой женщины спрос, ежели родная мать признавать её не желает. Ничего не поделаешь. И девочка, твёрдо решившая остаться в Миассе до конца каникул, изо дня в день терпела брань и выходки вредной женщины.

Несмотря на все её оговоры, внимательно наблюдавшие за Линарой соседи сделали свои выводы. Они сочувствовали покладистой девочке, жалели её всей душой как родную.

Как-то Майсара оскорбила девочку в присутствии соседки, живущей справа: «Выкормыш инкубаторский, никто замуж тебя не возьмёт!» Та не выдержала и сделала ей замечание:

— Ты поосторожнее выражайся. Учти, раны от недоброго языка не заживают. Хоть ты и хулишь её на каждом шагу, а я всё примечаю... И вижу, Линара не чета твоим дочкам — толковая девчушка, работающая, способная. И будет счастлива, Алла бойорха. Взгляд у неёмышлёный. Сама скромная, воспитанная. Не подумаешь, что детдомовская.

Соседка слева — добрая, набожная старушка — тоже попыталась вразумить злючку:

— Похоже, умненькая девочка, выучится — большим человеком станет. Не простому смертному унижать кого-то, судить может только Аллах. Сирота сам пуповину себе перегрызает. Так и она — сама всего в жизни добьётся, иншалла. Обуздай свой язык, Майсара, уймись, покуда не поздно. Нельзя сироту обижать. У тебя гнев — спереди, ум — сзади, дорогая моя.

А та хоть бы хны. Что бы ни внушали ей сердобольные женщины, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Верно говорят: то, что не впиталось с молоком матери, с коровьим уже не впитается...

Тем временем хлопотавшая на кухне девочка прислушивалась к разговору взрослых и тут же взяла на заметку сказанное мудрой инэй. В тот день и потом она часто размышляла над её словами, задаваясь вопросом: разве такое бывает, чтобы ребёнок сам пуповину себе перегрызал? Суть поговорки дошла до неё

далеко не сразу. Тем не менее, несмотря на юный возраст, она почувствовала, что смысл заложен в неё глубокий.

Значит, Линара должна сама перегрызть себе пуповину?.. Значит, она не может ни на кого надеяться, рассчитывать на чью-либо поддержку. Даже на отцовскую.

Ей стало не по себе. Выходит, если с ней что-то случится, никто не пожалеет её, не защитит. Отец, может, был бы и рад помочь, да разве посмеет — он под каблуком суровой жены... Да, чтобы выбиться в люди, Линаре придётся взять собственную судьбу в свои руки. Только так. Другого пути нет.

Всякий раз, вспоминая слова доброй соседки-бабушки, она благодарит её от всей души. Та мудрая поговорка давно стала для Линары жизненным девизом, принципом. Именно так и приходится ей поступать всю жизнь — самой перегрызть пуповину. И никто никогда не помыкал ею: мол, сделай то, сделай так или этак. Она жила своим умом, рассчитывая на собственные силы. Не унижалась, ни о чём никого не просила и на чужое не зарилась. Старалась быть справедливой, надёжной.

Воспоминания, воспоминания... Сплошные воспоминания... Видимо, без прошлого нет настоящего. Майсара изводила девочку бесконечными упрёками, незаслуженными обвинениями. Но дети быстро забывают обиды. Линара любила плавать и часто уходила к Миассу. Речка была единственной её отрадой. Прежде чем окунуться, она заходила в воду по колени и шла вдоль берега по гальке. «Эй, Миасскай, красавец ты мой, водичка твоя — целебная!» — приговаривала девочка, зачерпывая пригоршнями чистую-пречистую, прозрачную водицу и омывая ею лицо, руки. А потом зайдёт поглубже и, взмахнув широко руками, плывёт. Когда устанет, переворачивается на спину и отдыхает. Холодная вода как будто вымывает из детского сердечка скопившийся осадок и уносит его с собой. Становится так легко, приятно. С тех самых пор и любит Линара Миасс. Расчувствовавшись однажды, она даже песенку сочинила и постоянно её напевала.

Нет на свете речки
Лучше, чем Миасс.
Целебна твоя водичка —
Бальзам моему сердечку.
Миасскай — в мыслях моих.
Миасскай — в песне моей.

Нередко за ней увязываются сестрицы. Они резвятся, балуются в воде возле самого берега, плещутся словно мальки. Линара же доплывает до середины речки. А дома девочки ябедничают:

— Она за нами не смотрит, всё плавает и плавает...

— Смотри, если с моими дочками что случится, разорву на части, — грозила мачеха.

Ох, и языку у неё! Столько яда, что так и жжёт. Как будто она всю жизнь только и делала, что ругалась. А отец, бедолага, всё это терпит. Ради детей, наверное. Линаре так хочется остаться с ним наедине, поговорить по душам. Да никак не может улучшить удобный момент. Но она всё-таки дождалась.

Майсара отправила их как-то вдвоём окучивать картошку. Поле у них — почти на гектар. Судя по всему, Зайнулла-агай тоже давно хотел потолковать с

дочерью — опираясь на тятку, он начал вполголоса, словно опасался, что кто-то может его подслушивать.

— Кызым, ты, наверное, удивляешься, как мы живём. С тех пор, как ты приехала, Майсара точно с цепи сорвалась. Она и раньше-то добренькой не была, а тут и вовсе злющая стала. Вижу, как притесняет тебя. Но что я могу поделывать? На больных и дураков не обижаются. Придётся нам с тобой терпеть, доченька. Не могу же я деток своих бросить, — тяжело вздохнул отец и низко опустил голову. — Видно, судьба у меня такая.

От растерянности девочка не знала, что сказать, как утешить его. Вот ведь как обстоит дело. А она на отца обижалась. Нет чтобы пожалеть.

Зайнулла снова повернулся к дочери.

— Кызым, ты такая умница. Всё понимаешь. Не держи на меня зла. Пусть Аллахы Тагаля даст тебе огромное, безмерное счастье. Отцовские пожелания до него доходят и сбываются, так что ты будешь счастлива, когда вырастешь. Жизнь — что волны морские: то с ног сбивают, то затихают, ласкаются. У тебя всё ещё впереди.

Сказав это, он весь поник, приложил руку к сердцу и резко шагнул вперёд. Выговорился, расчувствовался. Чтобы дочь не заметила брызнувших слёз, Зайнулла прошёл ещё дальше.

«Атай, я тебя понимаю, не осуждаю, не переживай так», — захотелось крикнуть Линаре вслед, догнать и броситься к нему на шею. Но, не привыкшая выражать своих чувств, сдержалась и застыла на месте как кол. «Какой он жалкий, несчастный», — подумала девочка и тоже не смогла сдержать слёз. В тот момент она поняла и усвоила на всю жизнь, насколько счастье мужчины зависит от женщины.

Майсара никогда не пыталась понять мужа, войти в его положение. Разборки, скандалы в доме не прекращались. Всё брюзжала, ворчала, каркала, и карканье чуть не сбылось. Вот когда у женщины появился повод спустить на Линару всех собак, хоть та несколько не была виновата.

...Летний погожий день. Желающих искупаться много. Детишки возятся на мелководье и вдруг как заголосят:

— Тонет! Тонет! Помогите!!!

И действительно, на поверхности воды, в стороне от пляжа, мелькает чья-то головка — то появляется, то исчезает. Кто-то отчаянно барахтается в водовороте.

Пока стоявшие на берегу соображали что к чему, нашёлся один смельчак. Без колебаний бросился в воду и вскоре, выдернув обессилевшую девчущку из воронки, вынес на берег. Вокруг собрались люди. Кто-то догадался перевернуть бедняжку на животик и, надавливая ей на спину, стал выкачивать воду.

Линара услышала шум, выскочила из воды и поспешила к толпе. Увидев лежащую на земле сестричку, пришла в ужас, запаниковала. И чего это её всё время тянет и тянет к этому Миассу, как будто ни разу реки не видела. Нет чтобы присматривать за малышкой, не упускать её из виду! Она погладила сестрёнку по спутанным волосам, поцеловала в щёчки. Хотела поднять, да сил не хватило. И тут появилась, откуда ни возьмись, Майсара, успевшая узнать о случившемся. «Где моя дочь?» — кричала она на бегу. Вместо того, чтобы обрадоваться, что ребёнок цел-невредим, обезумевшая женщина со всей злостью дёрнула Линару за косу. «Из-за тебя моя дочь чуть не погибла! Ты нарочно её туда заманила! Отомстить решила, мерзавка!»

Спасший девочку парнишка не выдержал:

— Апай, не ругайте её, — заступился он за Линару. — Она ни при чём. Мы видели, ваша дочка сама туда полезла.

— Радуйся, что осталась жива, дура, — поддержал его пожилой мужчина.

— Лучше спасибо скажи джигиту, бесстыжая. Если б не он, твою дочь засосало бы в воронку, — возмутился ещё кто-то.

Видя, как дружно все защищают падчерицу, Майсара взбесилась ещё пуще. Злоба так и кипела в ней.

— Завтра же езжай в свой Стерлей! Лучше телёнка растить, чем сироту. Толку больше. Понадеялась на тебя и чуть драгоценную мою доченьку не потеряла. Дрянь, бестолочь! Привыкла к казённым харчам, живёт на всём готовеньком.

Майсара вконец распоясалась — присутствие целой толпы людей нисколько её не смущало. И ведь нашлись среди них которые даже поверили: «Похоже, девчонка и впрямь виновата, вон до чего довела женщину».

Вот так, ругая ни в чём не повинную девочку, оскорбляя и проклиная её прилюдно, Майсара увела свою дочь домой.

Линара застыла на месте сама не своя. То ли от страха, то ли от стыда она вся съёжилась, стала маленькой, и многим стало жалко её до слёз.

— Хотя бы слово в ответ, бахыркай, — посетовал кто-то.

— От такого позора как бы руки на себя не наложила.

Парнишка чуть не задохнулся от гнева. Руки сами сжались в кулаки. Переживая за Линару, он готов был даже ударить противную тётку. И чего так взъелась на эту девочку? Бедняжка так подавлена, что нельзя её оставлять сейчас одну. Рафику захотелось утешить её, отвлечь от горестных мыслей. И он решился подойти:

— Я видел, как ты плаваешь. У тебя здорово получается, — сказал он. — Давай, попробуем наперегонки.

Линару совсем не тянуло домой — и она тут же согласилась. Нырнула вместе с незнакомцем в воду.

— Эй, Миасской мой, Миасской, освободи меня от страданий! Пусть твоя чистая водица станет бальзамом для моего сердца...

Они долго плавали, обгоняя друг друга. Когда же вышли на берег, отряхиваясь от капель, людей там заметно поубавилось.

Ребята уселись на гальку у самой кромки воды.

— Где ты так здорово научилась плавать? В секции занимаешься? — поинтересовался Рафик.

— Да какая там секция, я ж с Ашкадара, — усмехнувшись, гордо ответила Линара. — У нас там все девчонки отличные пловчихи.

— На Ашкадаре, говоришь? Так ты из Стерлитамака, что ли?

— Ну да.

— А наш Миасс тебе нравится?

— Ещё как! Аж вылезать не хочется.

— Ну, тогда давай ещё поплаваем.

— Постой-ка, я ведь ещё не поблагодарила тебя, — спохватилась девочка. — Ты не только сестрёнку мою спас, но и меня. Если бы она утонула, и я бы не стала жить.

— Это ты из-за матери так говоришь?

— Она мне не мать, какой с неё спрос! Поэтому я на неё не сержусь, — сказала Линара и снова бросилась в воду. Рафик — за ней.

Они плавали до тех пор, пока не выдохлись.

Домой возвращались поздно, по дороге договорились встретиться завтра на том же месте.

Вот такие воспоминания всколыхнула сегодняшняя встреча.

* * *

...После симпозиума Рафик Камалетдинович вызвался проводить Мухаммада Джаббара, приятеля из Турции, до аэропорта. Тот очень набожный, благо- нравный человек, соблюдающий все предписания ислама. Он не пропускает ни одного намаза.

— Знаете, глобализация меня тревожит, Рафик-эфэнде, — с озабоченным видом признался турецкий учёный. — Сильные, высокоразвитые страны стараются использовать её в своих целях. Тем самым они извращают главную идею глобализации — объединение во имя спасения планеты. Намеренно отодвигают эту проблему на второй план.

— Да, — согласился Рафик. — Тенденция эта прослеживается, например, у профессора Фейхтвангера, публициста Шуманна.

— В общем, будем уповать на Аллаха. Да поможет нам Аллах спасти человечество от катастрофы! — заключил Джаббар.

Чем дольше размышляет Рафик, тем ближе к исламу. Даже великие мыслители с мировым именем почитали эту религию и культуру Востока. Например, знаменитый Иоганн Вольфганг фон Гёте, создавший известный цикл стихов «Западно-восточный Диван» под сильным впечатлением от прочтения Корана и «Дивана» персидского поэта и суфия XIV века Хафиза. В процессе работы над циклом он занимался арабским языком с востоковедами.

По форме его «Диван» представляет собой диалог двух живших в разные эпохи великих поэтов-мыслителей. Достоверной информации о том, что Гёте был мусульманином, нет, но он достаточно откровенно давал понять, как относится к Исламу и к его духовно-нравственным ценностям, считал Священный Коран Откровением Всевышнего. В год, когда ему исполнилось семьдесят лет, поэт писал о том, что собирается «подобающим образом отметить ночь, в которую Пророку был ниспослан Коран», то есть Ночь Предопределения и Могушества.

Убеждённый в пророческой миссии Мухаммада, Гёте верил в то, что Аллах говорит с человечеством через пророков, и ссылался на Священную книгу: «Истинно, Бог говорит нам в Коране: «Отправляли Мы посланниками только тех, которые говорили на языке народа своего, чтобы могли они разъяснять людям [смысл Писания]».

Когда он готовился приступить к работе над «Западно-восточным Диваном», одно за другим произошли два знаменательных для него события. Осенью 1813 года некий немецкий солдат привёз ему из Испании старинную арабскую рукопись, содержащую суру «Ан-Нас». Поэт расценил это как Знамение. А несколькими месяцами позже, в январе 1814 года, он получает ещё один «знак свыше». Рафику особенно приятно было узнать, что второе Знамение имело отношение к его соплеменникам — башкирским воинам, возвращавшимся домой из Франции в составе русской армии после победы над Наполеоном. Прославленный немецкий поэт посетил вместе с башкирами-мусульманами совместное моление. «Магометанское священное богослужение» в протестантской гимназии Веймара

произвело на него неизгладимое впечатление. Судя по воспоминаниям самого Гёте, он воспринял это как событие особой важности и окончательно утвердился в мысли, что сам Аллах благословляет его на осуществление задуманного.

Рафик Камалетдинович вернулся в гостиничный номер. Опустившись в кресло, посмотрел на часы: времени до вечера достаточно. Он устал и может позволить себе даже вздремнуть, но не тут-то было. Симпозиум только-только закончился, и впечатления настолько свежи, что трудно вот так сразу от них избавиться — припоминаешь отдельные моменты, анализируешь, оцениваешь выступления. Рафик стал вспоминать, о чём говорил Мухаммад Джаббар, и заново прокрутил в памяти собственную речь. Да, наука глубока как полноводная река. Форум внешне прошёл спокойно, мирно. Но каждое из таких мероприятий необходимо использовать как шанс, как задел для предстоящей работы и борьбы. В его планах — организация научных конференций в башкирских вузах. Особенно неважно обстоит дело с экологией в Стерлитамаке и его окрестностях. Вот и Ашкадар в опасности — почти обмелел...

Подумав об Ашкадаре, он тут же переключился на Линару. Как и она, стал вспоминать их первую встречу. Июньский зной... Чуть ли не весь народ собрался на берегу Миасса. Внимание Рафика привлекла длинноволосая девочка-подросток, которая плавала как рыбка. Она то ныряла с головой, как утка, то, вынырнув, начинала энергично грести. Мальчик с восхищением наблюдал за ней. И тут послышались крики.

— Тонет, тонет! Помогите!!!

— Девчонка сейчас утонет!

Рафик, ни секунды не раздумывая, бросился на помощь.

Потом выяснилось, что это сводная сестрёнка юной пловчихи. Вспоминая, как держалась в тот памятный день Линара, Рафик подумал, что выдержка и воля проявились у неё ещё в детстве.

Как жалел он её тогда — такую незащищённую. Стоит и молча терпит, не будучи виноватой. Только слёзы текут по щекам. Постоял, подумал и подошёл к ней... Так началась их дружба.

Воспоминания, воспоминания... Он помнит всё до мелочей. Как они плавали в первый раз, и то, что было потом: в последующие дни Рафик уже не отваживался к ней подойти, только неотрывно наблюдал со стороны. Было ясно, что жизнь у неё непростая. Хоть и не жаловалась, не рассказывала ни о чём, печали в глазах не скрыть. Каждый день прибегала она на речку и подолгу плавала — чуть ли не до посинения, не желая выходить на берег.

Да, Линара была превосходной пловчихой. Рафик даже называл её про себя русалкой. И вот так постепенно, созерцая её и постоянно о ней думая, сам не заметил, как полюбил пылкой юношеской любовью. Ему казалось, что на всём белом свете нет никого пригожей и милей его Линары. Она притягивала к себе как магнит. Он помнит, что не в силах был отвести от неё глаз.

От сильной любви человек становится либо решительным, либо робким. Рафик так робел, что боялся подойти к девушке, хотя и чувствовал, что она к нему тоже равнодушна. Линара была до глубины души благодарна этому благородному, доброму парню, который не только спас сестрёнку, но и избавил её саму от серьёзных проблем. Однако, несмотря на взаимную симпатию, общаться не-принуждённо, как в первый день, они почему-то уже не могли. Что-то им мешало.

Тем временем девушка успела оценить ровесника по достоинству: ей нравилось, как он поднимает дугой брови, нравились его зеленоватые излучавшие мягкий свет глаза, густые волнистые волосы и даже голос. Так и наблюдали, по уши влюблённые, друг за другом со стороны, не смея приблизиться. А время шло. День за днём — промелькнуло лето. Скоро обоим в школу. Лишь накануне отъезда Линары в Стерлитамак они ненадолго встретились.

Перед разлукой Рафику захотелось подарить подружке что-нибудь на память. Он всё время представлял себе Линару в образе белой лебёдушки и долго ломал голову, как бы лучше её изобразить. И вот однажды взял и нарисовал на большом листе бумаги её портрет, рядом — свой, а также озеро, в котором плавали два лебедя. Посередине написал стихи, которые сочинил в минуты блаженства, испытываемого от любви.

Посмотри на этих лебедей —
Какая пара красивая!
Жизнь прекрасна, мир — чудесен,
Когда двое вместе.

Прожить бы всю жизнь неразлучно
Как лебединая пара.
Путь жизненный хочу я
Вместе с тобой пройти.

Вечером, когда встретились в клубе, Рафик протянул ей конверт. И с тех пор, в течение трёх лет, переписывались они до самого окончания школы, с терпением ожидая очередных каникул.

Часто вспоминал юноша один разговор и не переставал удивляться рассудительности подруги. Происходил этот разговор летом, уже после десятого класса.

— Как твои родители относятся к нашей с тобой дружбе? — неожиданно спросила она. — Как смотрят на то, что ты связался с детдомовкой?

— Зачем тебе это?

— Ну как же, многие ведь не одобряют...

Не придав её словам особого значения, Рафик пожал плечами и усмехнулся:

— Чепуха какая!

— Если хочешь знать, сирота сам перегрызает себе пуповину! — заявила она, вспомнив слова соседки. — И я не хочу быть никому в тягость.

— Родители у меня хорошие. Они меня очень любят. И будут только радоваться нашему счастью.

Как же приятно было Линаре услышать это. Сразу поднялось настроение, стало легко.

— Я буду называть их атай, эсэй! — в восторге воскликнула она.

Откуда ей было знать тогда, что людское коварство может разрушить счастье, вдребезги разбить светлые девичьи мечты, исковеркать жизнь. Готовая полюбить родителей суженого, она надеялась и верила, что те сразу же примут её и будут обращаться с ней как с родной дочерью. Ох уж эта детская наивность.

И Линара, и Рафик были уверены, что их любовь непременно увенчается свадьбой.

Ах, молодость, молодость! Беспечная молодость! Семнадцать лет — чудесная пора, когда в душе играют, журчат, переливаются светлые, прозрачные родники. Влюблённые поглощены друг другом, и в предвкушении счастья им даже в голову не приходит, что кто-то осмелится им помешать. Такие неопытные, они не подозревают о существовании враждебных сил, способных сорвать и безжалостно растоптать, уничтожить нежный цветок любви. Не ведают два юных сердца, что совсем рядом притаилось зло, от которого пострадает их зародившаяся здесь, на Миассе, чистая, как его вода, любовь.

Первому и большому, настоящему чувству суждено было раствориться в неизбывной скорбной печали.

Часть четвёртая

Они спешили на встречу, сторя от нетерпения вновь увидеть друг друга.

Выйдя из машины, Линара направилась к ожидавшему её у входа Рафику. На ней было голубое шёлковое платье, на ногах — остроносые туфельки. Вокруг шеи — изящное золотое узорное кольцо.

Рафик был ослеплён. Представшая его взору эффектная дама с горделивой осанкой и уверенным взглядом разительно отличалась от той Линары, которую встретил он на симпозиуме и уж тем более ничем не напоминала девочку из далёкого прошлого. Такая близкая вроде бы и в то же самое время чужая. Годы изменили её почти до неузнаваемости.

Он робко протянул ей цветы.

Им столько надо было сказать друг другу, а, оставшись наедине, они не могли вначале вымолвить ни слова.

— Давай зайдём в ресторан, посидим, поужинаем, — первым нарушил молчание Рафик, тщетно стараясь скрыть от неё восхищённый взгляд.

— Айда, — быстро согласилась та.

— С годами ты стала ещё краше.

— Ты тоже.

— Как я уже говорил, бывая в Миассе, каждый раз заходил к твоим. Уж больно отец по тебе скучал. Всё переживал, злился на Майсару-апай за то, что тебя отвадила.

— Повзрослев, я стала жалеть отца. Поняла, как не повезло ему. У шахтёра адский труд. А дома — никакого внимания. Сплошная ругань. Ничего хорошего в жизни не видел. И ушёл, к сожалению, слишком рано. Не дожил, не успел... Уж я бы о нём позаботилась.

Говоря об отце, Линара расчувствовалась. Вспомнила их единственный откровенный разговор на картофельном участке и прослезилась.

— Он любил тебя. Жалко, ты не смогла проводить его.

— Да, я была тогда в Германии и приехать в любом случае не успела бы.

— Разве тётушка твоя знала, где ты?

— Знала.

— А я столько раз просил у неё твой адрес, так и не дала... — покачал головой Рафик.

— Я не велела. Ты ведь был женат. И дочь у вас есть, говорили.

— Была... Только она давно... в раю... — тяжело вздохнул он. — Такая вот у меня судьба! Сколько времени зря потеряно...

— Я бы не сказала, что зря. Ты стал за это время крупным учёным.

— Так ведь я говорю о личной жизни. Моя личная жизнь не удалась.

— У меня тоже никого нет, обзаводиться семьёй желания не было.

Откровений этих вполне хватило, чтобы понять, каково им было друг без друга.

Просидеть в ресторане весь вечер никому из них не хотелось, и Линаре пришла в голову дельная мысль:

— А давай-ка я покажу тебе вечерний Екатеринбург.

— Я — за, обеими руками!

Они сели в её «Калину» и тронулись с места. Рафик с восхищением уставился на Линару: надо же, как заправски водит она машину, сохраняя при этом прямую, гордую осанку. Похоже, знает себе цену.

Он помнил её забитой, унижаемой мачехой девочкой, готовой вот-вот расплакаться от любого грубого слова. Теперь же видел перед собой успешную, самодостаточную, современную женщину.

Показав гостю достопримечательности города, Линара предложила отвезти его к гостинице, а сама со страхом подумала: неужели они сейчас расстанутся, так и не поговорив о самом главном? Рафик испытывал те же чувства.

— Знаешь, что? — обратился он к ней решительно. — Раз уж я оказался здесь, в Екатеринбурге, может, ты покажешь мне заодно, как живёшь? Я ведь столько лет мечтал о нашей встрече.

— В самом деле, почему бы нет, — с готовностью ухватилась за эту идею Линара. — Гостиница никуда не денется. Поехали ко мне.

Автомобиль мигом доставил их к добротной девятиэтажке. В доме всего один подъезд.

Они поднялись на пятый этаж, вошли в уютную, со вкусом обставленную квартиру. Дизайн интерьера тщательно продуман. Кругом чистота, идеальный порядок. Линара, чьё детство прошло в детском доме, придавала обстановке своего жилища большое значение.

— Красиво живёшь, — заметил Рафик, оглядевшись по сторонам, и тут же подумал: «Ау меня как в общежитии. Нет стимула. Есть где переночевать — и ладно...» Хозяйка словно прочитала его мысли.

— Зато ты, как большой учёный, живёшь высокими, благородными идеями и целями. Твоё выступление на симпозиуме очень содержательно. Только на сбор материала ушло, наверно, несколько лет.

Вот женщина, которая его понимает — Рафику по сердцу пришлись её слова. А бывшая жена ни в грош не ставила его работу: мол, какой толк от твоей учёности, если она не приносит денег.

— Ну, что стоишь как бедный родственник, — улыбнулась Линара. — Проходи. Усадив гостя в глубокое мягкое кресло, она пристроилась рядышком и приникла к нему.

Тот порывисто схватил её за руки:

— Моя Линара!

Вздвигнув, женщина резко выпрямилась и смущённо пролепетала:

— Надо же, уселась как в гостях. Пойду-ка чай приготовлю. А ты пока газеты просмотри, журналы.

Хозяйка прошла в кухню. Оставшись наедине с собой, она наконец-то могла расслабиться. Как и Рафик, Линара жалела о молодости, о времени, прожитом в одиночестве. Ничего личного — только работа. Неведомы ей ни мужская ласка, ни радость материнства, чем могли быть наполнены лучшие её годы. Нет, мужским вниманием она не обделена. Этого у неё даже в избытке. Стоит с кем-нибудь познакомиться, пообщаться, коллеги, свои либо иностранцы, влюбляются, начинают ухаживать, докучают приставаниями. Некоторые назойливы, хуже ос.

Долгие годы вращавшаяся в авторитетных кругах, она встречала там людей разного ранга и усвоила главное: ни статус, ни образование не делают человека культурным, духовно богатым, добропорядочным. Твой уровень определяется данным природой умом, воспитанием, привитой с рождения нравственностью... По работе Линара всегда удостаивалась похвал. При этом ценили её не только как переводчика, в совершенстве владевшего немецким и английским, но и как перспективного специалиста в области экономики, автора ряда серьёзных научных публикаций. Однако ни успехи, ни почёт, ни всеобщее уважение не могли компенсировать отсутствие личной жизни. Так и не смогла она никого полюбить, потому и не вышла замуж. Конечно, ей осточертело быть одной, приелись прилипчивые кавалеры. Линара хотела простого женского счастья, наслаждаться семейной жизнью. И вот, кажется, дождалась — судьба повернулась к ней лицом. Она уже давно научилась плакать, научилась сдерживать эмоции, а тут вдруг почувствовала, как по щекам струйками потекли непослушные слёзы.

Пока Линара хлопотала, готовя чай, взгляд Рафика был устремлён в её сторону. Ему хотелось подойти, помочь, но он не посмел. Сидеть и смотреть на любимую — блаженство, дивный сон. Он уже не надеялся когда-либо её увидеть, а судьба неожиданно преподнесла ему такой сюрприз!

Рафик встал, прошёлся немного по комнате, потом остановился перед шкафом и скользнул рассеянным взглядом по полкам за стеклянными дверцами... Постой-ка, постой, а это что? Неужто тот самый рисунок, который он подарил ей семнадцать лет тому назад?! Рафик осторожно достал помещённую в рамку под стекло реликвию и принялся её разглядывать. А вот и стишок, аккуратно написанный его собственной рукой. Поразительно... Столько лет прошло...

...Прожить бы всю жизнь неразлучно
Как лебединая пара...

По телу его будто ток пробежал. Когда Рафик писал эти строки, он был безумно влюблён и мечтал быть вечно с любимой. Какие чистые юношеские чувства вложил он в них.

Догадавшись, что гость ошеломлён находкой, Линара незаметно подошла сзади и прижалась головой к его плечу.

— Помнишь, как ты подарил мне это тогда, в клубе?

— А ты сохранила мой подарок... Не ожидал... Значит, и в самом деле не забыла...

Она кивнула.

У него бешено колотилось сердце. Чувства переполняли грудь. Он резко повернулся и порывисто обнял её за талию.

— Я вижу, ты тоже хранила верность нашей любви. Спасибо тебе, родная! Рафик обнял Линару ещё крепче, словно боялся, что нечаянно упустит и потеряет её уже навсегда.

— Помнишь, ты постоянно спрашивала у меня, сколько времени?

— Помню...

— И я думал: «Эх, вот бы подарить ей часы». Мне только и оставалось, что мечтать. Что со школьника возьмёшь. Но я поклялся себе купить для тебя часы на первую зарплату. — С этими словами Рафик достал из внутреннего кармана футляр. — Пусть с опозданием и не на первую зарплату, но хочу выполнить то давнее обещание. Конечно, часами теперь никого не удивишь, они есть в любом мобильнике. Но всё же прими от меня этот знак моей вечной любви к тебе. Я до сих пор помню каждое твоё слово, каждый жест. Твоя фотокарточка висит над моим компьютером, а имя твоё живёт у меня в сердце.

Линара взяла футлярчик и осторожно его раскрыла. Внутри лежали чудесные золотые часики. Она была так растрогана, что еле вымолвила:

— Спасибо тебе, дорогой.

Говорят, тех, кто умеет терпеливо ждать, Аллах одаривает огромным счастьем. Может быть, так оно и есть. Как бы то ни было, рассвет они встретили вместе. Их соединение — победа над злом, торжество справедливости и большого чувства.

— Как бы я хотел от тебя ребёнка, — признался Рафик. — Это был бы плод нашей с тобой любви.

— Я тоже хочу.

— Давай не будем тянуть, пойдём в мечеть и совершим никах.

— В наши-то годы... Удобно ли?..

— За никах — и религия, и закон. Ребёнок должен являться на свет в законном браке.

— Ну ты прямо как мулла, — улыбнулась Линара, довольная его предложением и тем, что он так серьёзно относится к браку.

Женщина ещё сильнее прижалась к любимому. Душа её таяла от неги. Впервые в жизни она почувствовала себя счастливой.

Свершилось. Наконец-то они вместе. Сколько же испытаний выпало на их долю. Как ни пытались коварные люди разлучить влюблённых, какие бы козни ни чинили, так и не удалось никому победить их большое чувство и стремление к счастью. Впрочем, они никогда и не отрывались друг от друга. Физически находились врозь, а души были неразделимы. Их соединяли постоянные мысли друг о друге и нетленная любовь.

Сколько унижений, обид испытала Линара в жизни, сколько трудностей преодолела, но не позволяла себе раскиснуть, заплакать, сдерживала рыдания. А нынче глаза у неё на мокром месте — слезинки всё катятся и катятся по щекам из чёрных очей. Это от счастья. Впервые спит она в крепких объятиях мужчины. Уткнувшись любимому в грудь и слушая, как бьётся его сердце, понимает, как сильно он её любит. Наконец-то Линара почувствовала себя настоящей женщиной. Только глубокое чувство делает из мужчин мужей и превращает женщин в преданных, нежных жён. Вот и они стали сегодня супругами. И договорились, что будут теперь называть друг друга мужем и женой.

За завтраком Линара сказала мужу:

— Ты знаешь, мне нравится идея поехать в аспирантуру в Рурский университет. Там можно повысить квалификацию, получить основательное экономическое образование, которое дало бы мне возможность продвижения по работе — выйти, так сказать, на мировой уровень. А ты как на это смотришь?

— Я не отпущу тебя, — последовал ответ.

— Не отпустишь? Тогда давай вместе поедем. Тебе тоже не помешало бы поработать там несколько лет, усовершенствоваться.

— Не помешало бы, конечно. Может, и надумаем... Если найдём общий язык с Фейхтвангером... — задумчиво произнёс Рафик и тут же, вспомнив, что, как супруг, он взял на себя ответственность за них обоих, категорически заявил: — Завтра же попросишь отпуск, я свожу тебя к твоему любимому Миассу.

— Миасс! — мечтательно вздохнула Линара. — Эта речка — моя вечная отрада.

— Ходи на свою речку, сколько душе угодно. Теперь, любимая, мы всегда будем вместе. Я не отпущу тебя от себя ни на один день.

— Ах, вот ты какой! — Она бросила на мужа игривый взгляд. — В таком случае, и ты без меня никуда не поедешь.

Они засмеялись. Им было так весело болтать друг с другом. Но тут зазвонил мобильник Рафика.

— Товарищ Мугинов, это вас из Челябинска беспокоят, — сказали ему и тут же стали отчитывать. — На какие факты вы опирались, когда выступали на международном симпозиуме? Можете представить отчёт, что именно говорили о сырье, об инвесторах? В Москве интересуются. — Звонил Сайгафар Гиндуллоевич Кашкаров, заведующий кафедрой, где работает Рафик. Он не скрывал своего раздражения. — Не многовато ли на себя берёте? Поосторожнее нельзя было?.. В общем, срочно возвращайтесь. Скоро вас вызовут в Москву.

Надо же, как надменно, резко, в приказном тоне разговаривает с ним этот чинуша — бездарный, не способный к научной работе, ни на что не годный приспособленец. Наловчился командовать подчинёнными, зато как умеет угождать кому надо, лебезить перед вышестоящим начальством.

Интересы науки вынуждают истинного учёного быть настойчивым, решительным, а то и дерзким. Если бы Рафик Камалетдинович вёл себя иначе, пасовал перед трудностями, боялся бы собственной тени, разве добился бы признания, разве пригласили бы его, например, на этот авторитетный международный форум. Он всегда готов отвечать за свои слова. Статистические данные ему предоставили в научно-исследовательском институте. И самому удалось немало собрать. Его доклад базируется на точных фактах. Так что в этом плане опасаться нечего. Единственное, что удручало, портило настроение — то, что момент самый неподходящий. Как же некстати этот звонок. Они с Линарой только что обрели друг друга, решили пожениться, строили планы на будущее, и ему совершенно не хотелось думать о чём-то другом.

Через некоторое время опять позвонили. Но на этот раз сообщили, что Рафика приглашают в Академию наук и что через два дня ему надо быть в Москве. Боясь расстаться даже на день, влюблённые договорились отправиться туда вместе.

В итоге оказалось, что в столицу Рафика хотели вызвать вовсе не для разборок, как думал Сайгафар Гиндуллович, а в связи с будущей конференцией, организуемой ООН. Ему предложили там выступить.

Дело в том, что представителя ООН, присутствовавшего на минувшем симпозиуме, заинтересовала информация Мугинова и он хотел, чтобы приведённые им данные прозвучали в более широкой аудитории — на всемирном форуме. Его идея была одобрена известными учёными.

Узнав, что Рафик Камалетдинович только что женился, ответственный секретарь оргкомитета Московского научного центра сказал:

— В таком случае мы вышлем пригласительный и для Линары Зайнулловны. Она ведь слышит у нас одним из лучших переводчиков.

Завершив дела в Москве, молодые учёные не мешкая вылетели в Челябинск. Линаре не терпелось увидеть Миасс, который подарил ей любовь всей её жизни. Там они планировали совершить никах и сыграть свадьбу.

Близкие и знакомые Рафика Камалетдиновича, узнав, что его жена собирается уехать в Германию, возмутились:

— Такая килен нам самим нужна. Мы её никуда не отпустим. Здесь тоже есть аспирантура. Можно заочно учиться. Или соискателем прикрепиться.

Новоиспечённые супруги и сами боялись разлуки, поэтому совет друзей восприняли благосклонно. В самом деле, они ещё не успели наглядеться друг на друга, не наговорились — какая уж тут граница!

После свадьбы Рафик забрал жену из Екатеринбурга и увёз к себе в Челябинск. Стосковавшиеся по любви, по ласке, они навёрстывали упущенное. У обоих было желание на целый месяц уединиться, бросить всё и отправиться куда-нибудь.

— Я повезу тебя к истоку Миасса, — заявил Рафик.

— Надо же, как тебе в голову пришла такая чудная мысль? — обрадовалась Линара. — Если не ошибаюсь, Миасс берёт начало в Учалинском районе.

— Да.

В предвкушении, что скоро увидит исток любимой речки, женщина стала собираться в дорогу. Они загрузили в «Калину» палатку, спальные мешки и другие походные принадлежности, запаслись продуктами и в один из прекрасных летних дней, не забыв с собой прихватить видеокамеру и фотоаппарат, двинулись в путь.

По дороге Рафик рассказал совершенно неправдоподобную, но забавную легенду: будто бы Пугачёв, оказавшись возле Миасса, спросил у своих соратников: «Скажите-ка, кто первый увидел эту реку?» Башкиры якобы закричали в ответ: «Ми!», а русские — «Аз!», что бишь «я». Соединились эти два слова, и получилось «Миаз», превратившееся впоследствии в современное название.

Рафику уже доводилось бывать на восточном склоне хребта Нурали, где берут начало Миасс и его приток Шерамбай. Вершины хребта невысокие, округлые, безлесные. Нурали находится в сорока километрах южнее его родного города, через который река течёт на север вдоль Ильменского хребта. Впадает Миасс в реку Исеть, являясь самым крупным её притоком.

Часть пятая

Когда молодожёны добрались до истока Миасса, у них опустились руки. То, что они увидели перед собой, привело их в уныние. Вся территория вокруг оказалась загаженной до такой степени, что ступить некуда. Слоями навалены бурые перепревшие листья, сучья, ветки и прочий копившийся годами мусор. Дальше валяются то тут, то там консервные банки, бутылки, использованные полиэтиленовые мешочки, пакеты, пищевые отходы, огрызки, окурки. В нескольких местах тлеют угли непотушенных костров. Дикари-туристы не пощадили место, где происходит таинство рождения реки. А ведь сколько препятствий приходится преодолевать этому родничку, чтобы просочиться, пробиться наружу сквозь толщи земли. Но он не сдаётся, копит силы и превращается в мощный поток.

Линара с умилением и сочувствием смотрит на слабенький ручеёк, с трудом пробивающийся сквозь слои мусора. Почему-то сразу вспомнилось безотрадное сиротское детство. У неё, у брошенной, никому не нужной девочки, не было никаких покровителей, но она не сломалась, боролась, как могла, за место под солнцем, и в итоге счастье само явилось к ней. Неунывающий родничок напомнил ей ту маленькую девочку. Их судьбы схожи. Как и она, он сам себе хозяин, сам пробивает и торит себе путь. Линара ощутила прилив нежности и горячее желание помочь ему. Надо срочно убрать всё, что ему мешает. И она засучив рукава принялась за дело.

Сначала женщина собрала сухие листья с хворостом и развела костёр, чтобы сжечь их. Потом расчистила место выхода водотока от ила и всякого мелкого сора. Ручеёк сразу же весело зажурчал, словно поблагодарил её. Опустившись на корточки, она наклонилась и протянула к нему руки как мать к своему ребёнку, осторожно зачерпнула полные пригоршни чистой водицы и поднесла к губам, будто собиралась поцеловать. Вот ты, оказывается, какой, мой малыш, мой Миасскай! Вот почему рвалась я к тебе, мой красавчик, — ты нуждался в моей помощи.

Поднявшись и распрямившись, Линара обвела взглядом окрестности. До чего же прекрасна, благословенна учалинская земля! Пестреют, точно ситец, цветущие луга. А вон стройная белоствольная берёзка — так и кажется, что рукой машет и зовёт, и манит сюда гостей, явившихся с добрыми намерениями. А как горделивы и величественны прямые, высокие, устремлённые в небо сосны! Вот бы подняться на Иремель. Говорят, это чудодейственная гора. Хочется также побывать и в местах, где берут начало крупные реки вроде Уя.

Пока Линара копошилась, занималась расчисткой водостока и наслаждалась обзором окрестностей, Рафик установил палатку и даже, успев подвесить над костром казанок, начал готовить обед.

Первую ночь свадебного путешествия они провели у истока Миасса, а утром отправились к горе Ауш-тау, до которой было 30—40 километров. Оставив машину на зелёной плюшевой лужайке, поспешили к святому источнику. Пока шли, Рафик поведал Линаре историю, которая в этих местах передавалась на протяжении многих столетий из уст в уста, из поколения в поколение.

...В стародавние времена прибыл на Урал арабский миссионер. Он не стал обзаводиться ни хозяйством, ни скотом, так как не занимался ничем иным,

кроме служения вере — распространял ислам. Когда же настал смертный час, поднялся на схожий с женской грудью холм и отдал Всевышнему душу. Там же его и похоронили. А вскоре неподалёку от его могилы забил священный родник. Люди из окрестных селений постоянно ходили и ходят к источнику Аулии за водой. Считается, что она такая же целебная, как и вода Земзем, что у храма Каабы в Мекке.

— Сейчас конец июля... И воды в источнике нет. Вода там бывает только с семнадцатого мая по семнадцатое июня, — предупредил Рафик.

— Всё равно надо побывать там. Кто знает, а вдруг нам повезёт. — Внутренний голос подсказывал Линаре, что хозяин Ауш-тау явит им своё чудо.

Предчувствие не обмануло её. Когда они подошли к источнику, то увидели, как из жёлоба капает блестящая, как ртуть, водичка. Рафик не верил собственным глазам. Когда он работал над научной книгой, внимательно изучил здесь буквально каждую тропку, слышал биение пульса каждого родника, ощущал дыхание гор и твёрдо знал, что из года в год после середины июня родник пересыхает. И увидеть там воду в это время, на исходе июля, он никак не ожидал.

— Погляди, струя стала сильнее.

— Да, вот и канавка наполнилась.

— Это всё Аллах... — Линара, которая была всегда далека от религии, почувствовала лёгкий озноб. Она невольно устремила взгляд к небу и прошептала: — И-и, Раббым, Аллам. Подари нам с Рафиком долгую счастливую жизнь! Чтобы быть нам всегда вместе, испытать семейное счастье, вырастить детей.

Омыв святой водицей лицо, глаза, они наполнили бутылки. Затем, поблагодарив источник, стали подниматься к могиле святого — Шейха Муххаммада Рамазана аль-Ауш.

Когда шли, обратили внимание на круглое озерцо, а над ним увидели идущего дервиша. Как это понимать? Идёт и не тонет! А путник шёл-шёл и вдруг исчез. Будто вода его поглотила.

Оба учёных пребывали в замешательстве, не зная, что думать, как объяснить столь странное явление.

— Что за наваждение!

— Наверное, в образе дервиша явился нам дух хозяина Ауша, — предположила Линара. — Я как-то слышала, что святые старцы умеют ходить над водой и показываются тем, кому пожелают. Тем, кто им понравился.

— Значит, так оно и есть. Видимо, Аулия решил таким способом проявить своё благорасположение к нам. Как говорила Зюбайля-апай, горные и лесные духи иногда показываются людям.

— И ты, учёный, веришь сказкам про духов?

— Если хочешь знать, на свете много необъяснимых загадочных явлений. В этом отношении зауральская равнина особенно примечательна.

Вторую ночь они решили провести у подножия чудодейственного Ауш-тау. Раскинули палатку, устроились. Уснуть сразу не удалось, и они долго болтали о том о сём, строили планы на будущее. Обсудили, о чём будет говорить Рафик на предстоящей конференции. Вспомнили доктрину Аллена Даллеса. А когда, в конце концов, заснули, обоим приснился старец в белом одеянии. Как будто праведник привёл их на вершину горы и говорит:

— Правда на вашей стороне, поэтому ничего не бойтесь! Вы должны защищать Землю — эта миссия предназначена вам свыше. Дело благое. Отныне вы будете трудиться вместе. А дух матери-Земли будет оберегать вас. Вас ждут великие дела!

Проснувшись одновременно, Линара с Рафиком прильнули друг к другу и наперебой стали рассказывать друг другу свои сны. Они были поражены, когда узнали, что видели одно и то же. Невольно поверишь, что места здесь и впрямь волшебные.

Какой сон может быть после этого... Расценив увиденное как доброе предзнаменование, они умолкли и стали слушать, как поют на заре птицы, а при первых лучах солнца вылезли из палатки и побрели по утренней росе к роднику. Набрав целебной утренней водички, супруги развели костёр, чтобы вскипятить чай. В этом благодатном месте оба чувствовали себя так, будто какое сокровище нашли. И неудивительно — сам Аулия дал им здесь своё благословение.

Целыми днями ходили они по лесам, по горам, совершили восхождение на Иремель. Так и пролетел, промелькнул отпуск. Путешествие сблизило их ещё больше. Если юные молодожёны испытывают друг к другу главным образом страсть и физическое влечение, то Рафика и Линару объединяют, помимо всего прочего, близость духовная, общие интересы и цели. Приятно было осознавать, что они единомышленники. Теперь Мугиновы будут служить одной цели, вместе решать проблемы, связанные с глобализацией. По возвращении домой Линара займётся переводом трудов своего мужа на немецкий и английский.

Через три месяца после бракосочетания Рафик Камалетдинович получил обещанное приглашение на международный конгресс. Линара поедет с ним в качестве переводчика.

На конференцию должны были съехаться учёные, занимающиеся проблемами глобализации, из США, Франции, Австрии, Великобритании, Германии, Польши. Принимать участие в столь грандиозном международном мероприятии Мугинову ещё ни разу не доводилось. Поэтому он волновался как никогда. Линара же, неоднократно бывавшая на такого рода форумах и знавшая, в какой обстановке они проходят, была спокойна и успокаивала его:

— Да не переживай ты так. Я прослушала множество выступлений и вот что тебе скажу: иностранцы — такие же люди, как и мы. Учёные тоже везде одинаковые — что у нас, что у них.

Тем не менее, Рафик Камалетдинович, воспринимавший предстоящее выступление как испытание, как экзамен, готовился к нему самым серьёзным образом. И усилия его не прошли даром. Заявив на весь мир с высокой трибуны о проблемах Среднего и Южного Урала, Восточной Сибири, он обеспечил себе доступ в высшие сферы научного мира, расширил возможности научной деятельности и круг общения, приобрёл новых друзей-единомышленников. Представители ООН предложили ему сотрудничать и обещали пригласить на ближайший международный форум.

Когда он получил приглашение на очередную конференцию, которая должна была состояться в Германии, Линара была уже на сносях. Ей, как будущей матери, не терпелось узнать пол ребёнка и она решила сделать УЗИ. Но Рафик, не доверявший этой процедуре, не разрешил.

— УЗИ для живого организма небезвредно. Ультразвук может навредить сердцу ребёнка. Какая разница — мальчик это будет или девочка. Это наше дитя. Самое главное — чтобы ребёнок был здоров. Так что занимайся пока им, собой, не торопи время, дождись моего возвращения. Ты уж потерпи, дорогая, как приеду, сам тебя в роддом на руках отнесу, — пошутил он и с серьёзным видом добавил: — Я бы с удовольствием остался, не отходил бы от тебя ни на шаг. Но ведь мы с тобой дали слово хозяину Ауш-тау.

Линара доверчиво прильнула к мужу, уткнулась лицом в его плечо:

— Может, не поедешь? Объявим участникам конференции через интернет: «Мугинов не приехал — у него жена рождает».

Они рассмеялись, развеселились.

— Ах ты шалунишка моя! Жена, которая сама перегрызла свою пуповину.

Оба, разумеется, понимали, насколько важна для их дела эта поездка. Рафик Камалетдинович даже подгадал к мероприятию с изданием новой книги — «Жемчужины Урала».

В Германии российскую делегацию приняли тепло. Эрнст Фейхтвангер встретился с гостями и в тот же день повёз их на экскурсию по окрестностям Рейна. Эта река находится под охраной государства. Сточные воды заводов проходят глубокую очистку, фильтруются в несколько этапов при помощи современных очистительных сооружений. В целях защиты Рейна от загрязнения было даже прекращено судоходство. Берега и окрестности реки девственно чисты, утопают в зелени. На улицах населённых пунктов тоже много зелёных насаждений. Жители экологически грамотны и настолько сознательны, что предпочитают автомобилям велосипеды. Так что экологическая культура здесь, безусловно, на высочайшем уровне.

— Начало всему этому положил наш уважаемый профессор Фейхтвангер, — сказал мэр.

Улучив момент, Рафик передал профессору привет от Линары и объяснил, по какой причине она не смогла приехать. Тот был не в восторге от этой новости, но постарался скрыть своё разочарование.

— Sehr gut, я очень ценю фрау Линару. Она работоспособная, старательная, педантичная.

На форуме, как и предполагал Рафик, немецкий учёный развил главную линию доклада, сделанного им в Екатеринбурге, дополнив её новыми идеями, и постарался представить теорию глобализации в пользу своей страны.

— Богатства нашей планеты, включая полезные ископаемые и всё, что находится на земле, предназначены для всего человечества. Вместе с тем нам должны быть близки проблемы каждой отдельной страны. Право на это даёт глобализация и уже накопленный нами солидный опыт, — сказал Фейхтвангер, желая заранее «обезопасить» себя.

Он сообщил участникам форума о выходе своего нового научного труда, посвящённого экологическим проблемам Урала и Сибири. Брошюры были выложены на столах конференц-зала. Рафик взял один экземпляр. Ознакомившись с содержанием, изменился в лице, ухмыльнулся: «Ну да, сначала на яшму глаз положил, теперь на уральские и сибирские леса замахивается. Надо бы поставить на место этого господина».

«А почему его, собственно, волнует состояние экологии нашей страны? — озадачился Мугинов. — Почему не интересуют проблемы Америки? Ведь, если верить статистике, там тоже неблагополучно».

Во время перерыва он задал этот вопрос самому Фейхтвангеру. Ответ у того был уже заготовлен:

— Состояние экологии в Америке изучают другие учёные.

— А не кажется ли вам, господин профессор, что, согласно международному этикету, о появлении ваших новых трудов следовало в первую очередь известить нас, учёных Урала. Речь ведь идёт о нашем регионе.

— Амбиции здесь совершенно неуместны, мой друг, — парировал немец. — Право на это даёт нам давняя дружба Германии с Россией. Вы, наверное, помните, что 2009 год был объявлен в Республике Башкортостан «Годом башкирско-германской дружбы и сотрудничества». Разумные люди одобряют это сотрудничество, считают его обоюдовыгодным.

«Выкрутился», отметил про себя Рафик, но решил не уступать.

— Знаете, господин профессор, недавно и я опубликовал труд под названием «Уральская яшма» на трёх языках — русском, английском, немецком. Там изложены результаты моих исследований.

Сказав это, он достал из папки солидную книгу в ярком переплёте и протянул её немецкому коллеге.

— Замечательно. Я выскажу своё мнение, как только прочту, — торопливо проговорил явно застигнутый врасплох Фейхтвангер, поблагодарил за подарок и, сославшись на занятость, быстро удалился.

Рафик был доволен собой — хорошо, что вовремя позаботился об издании, книга оказалась очень кстати. И он снова подумал: «Почему нашей экологией должен заниматься немецкий учёный?» Что же получается: как будто некто, кому не даёт покоя богатство соседа, решил похозяйничать у него в доме и пытается навести там порядок. Делает вид, что помогает, а сам тем временем что-то высматривает — не успеешь и глазом моргнуть, возьмёт да и умыкнёт приглянувшуюся ему вещь. Вот почему каждый должен сам следить за порядком в своём доме — тогда и в мире будет порядок. Всегда нужно иметь в виду: кто работу из рук твоих выхватывает, тот и пищу у тебя изо рта вырывает. Сегодня они упорно навязывают нам свои взгляды, а завтра будут хозяйничать на твоей земле. Надо, пока не поздно, умерить аппетиты иностранцев. Хорошая или плохая у нас страна — это наша родина, она принадлежит нам. До сих пор мы ведь как-то жили, справлялись сами. Дожди и снег пока, слава Аллаху, идут, и того, что растим на своей земле, самим нам хватит. Лишь бы беды-напасти стороной обходили. В общем-то, если подумать, много ли человеку для счастья нужно? Так что незачем пускать к себе чужаков. Пусть не учат нас, как жить. Учёным всего мира есть чем заняться — столько всяких проблем. Пускай исследуют, например, причины глобальных экологических катастроф, выдвигают свои идеи по их предотвращению — это важнейшая задача.

Рафик Камалетдинович не раз убеждался в правоте служителей религии, утверждающих, что природные катаклизмы случаются там, где нравы испорчены, где властвуют порок и разврат. И то, чем занимаются учёные-экологи, вполне согласуется с задачей наставления людей на путь истинный, привития им морали сообразно религиозным заповедям.

Расстроенный Фейхтвангер зашёл в свой кабинет и принялся рассматривать подаренную ему только что книгу. В первую очередь его заинтересовала обложка: «Надо же, какой фон — яшма с узором в виде розы!» После этого он стал знакомиться с содержанием. Половина книги посвящена производству по переработке яшмы. Есть даже иллюстрации — цветные фотографии разных изделий, произведений искусства из этого минерала. Красиво, ничего не скажешь... Предисловие написал академик Кольцов. Авторитетный учёный. В ООН к его мнению прислушиваются.

Перелистывая книгу, профессор хмурился всё сильнее. На трёх языках и тираж не маленький... «Ах ты, азиат, решил обойти меня, тайком приготовил мне «сюрприз»? — проговорил он вслух сквозь зубы. — Но мы ещё посмотрим, чья возьмёт».

Эта книга нарушала вынашиваемые им планы. Вполне может стать, что кипучая деятельность по освоению уральской яшмы в пользу своего государства, которую он неустанно вёл на протяжении нескольких лет, пойдёт прахом. Труд башкирского учёного может свести на нет все его усилия. Фейхтвангер готов был растерзать его на части.

Он всё время почему-то ему мешает, путается под ногами, становится у него на пути. В Екатеринбурге чуть не сцепились. Чтоб избежать прямого конфликта, Фейхтвангеру даже пришлось сократить текст, убрать из доклада несколько важных абзацев. И Линару, которую он столько лет обхаживал, намереваясь на ней жениться, переманил. Сегодня окончательно стало ясно, что идеи и действия Мугинова всегда будут вступать в противоречие с его планами, препятствовать их осуществлению.

Профессор машинально взглянул в зеркало и ужаснулся, увидев там искажённое злобой пожелтевшее лицо. Аж надбровья побагровели от ярости. «Нет, нельзя так распускаться. Я ведь в центре внимания всей конференции», — сказал он себе и вытащил из внутреннего кармана таблетку успокоительного. Надо держать себя в руках, чего бы это ему ни стоило. Пусть никто не видит, что он чем-то обеспокоен.

Не подозревавший о тайных замыслах немецкого коллеги Рафик Камалетдинович зашёл к нему в кабинет, чтобы попрощаться. Разговор у них не вязался, и оба поняли, что между ними происходит невидимая глазу борьба. Тем не менее, учёным удавалось соблюсти внешние приличия. На прощание они пожали друг другу руки, но при этом оба знали: им предстоит жестокая схватка, ибо на карту поставлены государственные экономические интересы.

Выйдя от Фейхтвангера, Мугинов невесело усмехнулся: началась игра «Забери — не отдам»... Чем же она закончится? Постараюсь выдержать.

«Ах, как жаль, что я не узнал о выходе его книги раньше, — сокрушался после ухода Рафика Фейхтвангер. — Я бы приготовил для башкирского «друга» сюрприз получше этого. Недооценил коварного азиата. Впрочем, ещё не вечер. И теперь не поздно преподать ему хороший урок. Российские правители вряд ли станут слушать учёных вроде этого Мугинова. Есть ведь договор о российско-германской дружбе, и мы будем на него ссылаться».

Башкирский учёный уезжал с конференции в приподнятом настроении. Рафик Камалетдинович не мог не испытывать чувство удовлетворения от внимания к

себе со стороны учёных ООН, международного признания. Чтобы закрепить достигнутый статус, ему придётся днём и ночью трудиться не покладая рук. К этому он готов. Лишь бы Линара была жива-здорова.

Прежде чем пройти на посадку в самолёт, Мугинов ещё раз позвонил ей. Она не ответила. И Рафик забеспокоился. Родить первенца, когда тебе под сорок, не каждая отважится. Он знал, что жена рисковала. Но жажда стать матерью победила все страхи и сомнения. За эту решимость, за смелость он привязался к ней ещё больше. И теперь у него к Всевышнему одна-единственная просьба — чтобы его любимая благополучно разрешилась от бремени.

Прилетев в Челябинск, Рафик почувствовал, что её нет дома. Так оно оказалось на самом деле. На столе лежала лишь адресованная ему записка. Рафик прочёл её и тут же сломя голову бросился в больницу по указанному адресу.

Вышедшая к нему медсестра огорошила его новостью, превзошедшей все ожидания:

— Поздравляем, у вас двойня — мальчик и девочка! Только вот мамочка пока слаба.

Его сияющее от счастья лицо моментально омрачилось.

— Что от меня требуется? — нервно спросил он в тревоге за жену, которую боялся потерять.

И только после разговора с лечащим врачом немного успокоился. «Вначале состояние было неважное. Сейчас опасность уже миновала», — сказала она и обещала создать для неё максимально хорошие условия.

Рафику разрешили навестить жену. Когда вошёл в палату, в первую минуту оторопел, увидев бледное, измождённое лицо любимой. Он подошёл к её кровати и, опустившись на колени, прошептал:

— Линарочка моя, как у тебя дела?

— Сейчас сюда принесут малышей.

Рафик смотрел на жену, успевшую стать в его отсутствие матерью, как на ангела. Как же любил он её, как соскучился.

— Моя милая, моя радость!

И тут в дверях показалась молоденькая медсестра с двумя запеленатыми младенцами на руках. В порыве самых нежных чувств отец и мать, потянувшись к деткам, разом воскликнули:

— Улым!!!

— Кызым!!!

Девушка бережно передала родителям младенцев, постояла немного, с улыбкой любясь счастливым семейством, затем незаметно выскользнула из комнаты.

Родители, упиваясь счастьем, не могли оторвать от крошек умилённого взгляда. Они испытывали невероятное блаженство. Линару охватило неведомое доселе, но такое желанное чувство — чувство материнства. У неё будто крылья отрасли. Мир наполнился радостью, заиграл всеми цветами радуги.

Повернувшись в сторону мужа, она тихо произнесла:

— Давай подберём имена для наших деток.

Вида, как лучилось при этом её лицо, Рафик и сам просиял. Ему хотелось дать своим детям самые лучшие, самые красивые имена с хорошим значением.

Он задумался, представил вдруг беззаветно любимые родные Уральские горы, от которых всегда заряжался энергией и вдохновением. И тут его осенило.

— Урал и Уралия... — радостно воскликнул Рафик и повернулся к жене: — Ну, как тебе? Они же родились на Урале!

— Что ж, мне нравится! Пусть будет по-твоему!

С этого момента они так и стали называть своих двойняшек.

Обоих будто прорвало: говорят, говорят и никак наговориться не могут. И до того увлеклись, что не заметили, как вошла медсестра.

— Мамочке нужен отдых, — строго напомнила она. — Малышей я забираю в палату для новорождённых.

Рафик понял, что и ему пора уходить. Но Линаре совсем не хотелось отпускать мужа.

— Дорогой, жить бы и жить на свете долго-долго вместе с тобой и нашими малютками! Материнство открыло мне мир с совершенно иной стороны, — призналась она.

— Самое главное то, что счастье не обошло нас, моя хорошая, — кивнул Рафик. — А теперь тебе пора отдохнуть. Набирайся сил. Завтра приду опять.

Они медлили, не в силах оторвать друг от друга любящих глаз.

Выйдя из роддома, опьянённый небывалой радостью Рафик напрямик отправился к Миассу, на берегах которого встретил однажды, будучи ещё совсем юным, свою большую любовь.

Как одержимый Меджнун, счастливый муж и отец пытался в стихах выразить свои чувства к любимой и к детям. Любовь... Какое это высокое, сладостное, прекрасное, окрыляющее чувство! Оно зарождается в сердцах и, передаваясь от души к душе, наполняет собою вселенную. Там, где живут любящие и любимые, не бывает бурь, ураганов, катастроф. Солнце восходит раньше и заходит позже. Цветы несравненно ярче и душистее.

Любовь распространяется по всему Земному шару, по всему миру добром, которое побеждает зло и обретает могущество, способное уберечь планету от гибели.

Сегодня Рафик ощутил в себе невероятную силу, дающую ему надежду и уверенность в том, что ему удастся достичь заветной цели. Он всё сможет, многое выдюжит, лишь бы любимая была всегда рядом. Всё только начинается. Впереди у молодых учёных большая жизнь, которая наверняка будет нелёгкой. Борьба за правое дело всегда небезопасна. Мугинов понял это, находясь в Германии. Остаётся надеяться на то, что народ не уступит чужеземцам ни уральскую яшму, ни другие принадлежащие ему ценности. Соотечественники объединятся, будут встречаться, координировать действия и не допустят разграбления богатств своей страны.

...Кто знает, может быть, именно ему суждено в дальнейшем совершить грандиозные научные открытия, придумать эффективные способы решения экологических проблем, обуздания напастей, грозящих Земле гибелью. Во всяком случае, он будет стараться, приложит все усилия...

Перевод с башкирского Гузэль ХАММАТОВОЙ.